

ВЕРА ГРИШОВА

НА КРЫЛЬЯХ ВЕЧНОСТИ

ЦИКЛ: ДЫХАНИЕ ВЕЧНОСТИ

18+

Вера Гришова

На крыльях вечности

«Автор»

2026

Гришова В.

На крыльях вечности / В. Гришова — «Автор», 2026

Когда из тьмы вырывается ещё большая тьма, стержень мира содрогается. Гнев ребёнка давно забытых богов обрушивается на небеса. Ангелы и демоны, выбравшие стороны, готовятся к великому противостоянию. Аделина не просила быть избранной. Но именно ей суждено ступить в сердце хаоса, раскрыть запечатанные тайны, скрытые Высшими, и столкнуться с тем, кого все называют Зверем. Покорится ли он её чувствам или выберет долг? Падёт ли царство новых богов? И кто зажжёт огонь того, что придёт на смену?

© Гришова В., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Обмен	7
Глава 2. Новая жуткая реальность	10
Глава 3. Голая кость	15
Глава 4. Отрицание, гнев, торг...	18
Глава 5. Отшельница Шарма	21
Глава 6. Безнадёжность, принятие...	25
Глава 7. Ребёнок былой эпохи	29
Глава 8. Нимфа смерти	32
Глава 9. Ночной гость	35
Глава 10. Барахаэль	39
Глава 11. Освобождение	42
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Вера Гришова

На крыльях вечности

Пролог

Окутанный вечной и непроглядной тьмой, Арий приблизился к единственному источнику света, который много веков помогал сохранять рассудок. Новорождённый ребёнок всегда спал. Золотые ленты переплетались с пурпурным свечением, не прекращая двигаться по кругу, удерживая смертное создание на весу, безуданно покачивая в воздухе, словно в колыбели. Нити света нежно окружали девочку от холодной темноты, даря безмятежный сон — долгий, многовековой.

Иногда Арий завистливо мечтал о том же: о грёзах, ярких образах, даже ночных кошмарах. Всё лучше, чем бесцельные скитания в глубокой тьме, которой не было ни начала, ни конца. Ребёнок никогда не издавал звуков, не открывал глаз, но Арий не раз заводил одинокий, тоскливый монолог. В целой бесконечности было не найти ни живых, ни мёртвых. Кроме девочки, укрытой объятиями Морфея.

Лишь изредка — быть может, несколько раз за тысячелетие — Ария посещал Высший в мантии, лицо которого было сокрыто глубоким капюшоном. И вот, когда он явился снова, Арий затаил дыхание.

Высший остановился перед ребёнком, проведя открытой ладонью над переливающейся энергией, будто живая, она замерцала ярче, отвечая на теплоту его кожи. Глаза Ария жадно проследили за световыми нитями, стремящимися вслед за плотью Высшего. Сила, что защищала ребёнка, не раз обжигала руки, гневалась, что кто-то пытается дотронуться, казалось бы, самого дорогого. Но сегодня, похоже, пришло время энергии ребёнка вывести его из тьмы. Арий свёл брови к переносице, уголок губ дрогнул, а сердце трепыхнулось в предвкушении.

Так долго ему пришлось ждать свободы, породнившись с мраком. Гнетущее одиночество бережно взращивало в нём самые разные чувства и мысли, порождало мрачные, даже кровавые идеи. Жестокость и несправедливость мира, которые обрушились на Ария, когда он был совсем мальчишкой, грубо вырвали его из рук матери и упрятали во тьму, желая скрыть от всего сущего, дабы не опорочить Высших созданий мглистым существованием.

Арий не свет и не тьма — он где-то между. И границы его сознания размыты серым пеплом. Он не чудовище, способное убивать без разбора. В нём нет неоправданной бессердечности, но есть острое чувство справедливости. И теперь, когда пришло время скинуть оковы тьмы — всем причастным к его заточению придётся ответить горячей кровью, которой он с благородством окропит мир.

— Пришло время, Арий, — тьму над ребёнком прорезал твёрдый и лишённый страха мужской голос. — Совсем скоро тебя встретят по ту сторону тьмы. Ты освободишься, когда девочка пробудится от долгого пребывания в царстве сна Морфея.

— Как скоро это случится? — голосом, напитанным тяжестью железного бремени, уточнил Арий.

— Как только я передам её смертной, грёзы отступят. Энергия богини, что теперь смешалась с кровью ребёнка, укажет путь во тьме.

— Где потом найти девчонку?

— После пробуждения ребёнок ослабнет. Ничто не будет отличать её от смертных, — словно насмехаясь, мужчина ехидно добавил: — Ты так долго ждал освобождения... Неужели не потерпишь ещё пару десятков лет?

Под кожей, точно ядовитые змеи, зашевелились вены. Арий мог прямо сейчас превратить плоть и кости Высшего в уголи, но тогда его предназначению не суждено сбыться. Унимая бурлящий гнев внутри, Арий напомнил себе, что мужчине остаётся и так недолго.

— Кто встретит меня? Насколько я могу доверять им?

— В своё время они доверили Ахаве жизни.

— Договор на крови?

— Не у всех, — уклончиво ответил мужчина. — Ряды последователей то уменьшались, то прибавлялись. Времена были разные. Но сейчас тебя ждут многие: с благоговейным придыханием они уже стоят у самой тьмы, готовые преклонить колени перед сыном Ахавы.

Арий в последний раз взглянул на ребёнка, подумав, что было бы неплохо оставить на ней хоть какую-то метку. Но энергия его матери не позволит даже близко прикоснуться к девочке. Только один бессмертный способен вынести ребёнка из темноты, чтобы передать смертным людям. По договору Крови его не станет ровно в тот миг, когда ребёнок откроет глаза на руках избранной матери. Хоть Арию и удалось установить слабую связь с вечно спящей девочкой, этого недостаточно.

— Ты должен знать кое-что ещё, Арий, — мужчина лишь слегка обернулся через плечо, скрывая ребёнка за спиной. — Высшие почувствуют, что тьма расступилась перед тобой.

— Станут искать меня? — иронично поинтересовался Арий, однако в глазах блеснули алые искры.

Пренебрежение Ария к Высшим вовсе не беспочвенно. За время, проведённое в заточении, он перестал быть мальчишкой — непонятым и брошенным. Может, первое время — первый век — проведённый во тьме, он ломался, ненавидя себя за то, кем он родился и как. Но постепенно мгла просачивалась в него, вращалась в плоть, подобно виноградным лозам, обвивая кости. Поглощала страх, сомнения, ненависть к себе, оборачивая в силу и жажду мести.

— Возможно, — наконец ответил мужчина, обрывая мысли Ария.

Высший растворился в темноте, забрав с собой единственный источник света и погрузив Ария в вязкую, до одурения холодную тьму. Он не знал, сколько прошло времени, прежде чем луч прорезал мглу, широкой лентой, точно ковром, раскатился к его ногам. Тьма, словно ослеплённая или прожжённая, трусливо ёжилась, не смея касаться созданного светом коридора.

Арий чувствовал, как неохотно, даже болезненно, чернота отпускала его, стараясь лизнуть подошвы, которые, казалось, знавали каждый уголок проклятой тюрьмы без решёток. Ребёнок, неосознанно тративший энергию, выкладывался на полную — это беспокоило Ария, поэтому он ускорил шаг. Девочка с силой, дарованной его матерью, безусловно важна, но он пока не знал, в чём именно заключалось послание Ахавы.

Впереди Арий увидел арку, переливающуюся светом настолько ярким, что приходилось прикрывать веки. Мысленно сбрасывая тысячелетние кандалы, он закрыл глаза и шагнул в новый, изменившийся мир.

Глава 1. Обмен

С момента событий в прологе прошло двадцать лет

Где-то в междумирье...

По обугленной на версту земле, где более никогда не суждено прорасти ни одной травинке, с разных сторон друг к другу приближались члены Ордена Высших и приспешники Зверя — так его именовали Высшие — во главе со своими предводителями. Мёртвую тишину в сером мире разбавляли шаги, но их эхо впитывал туман, низко нависший над землёй и едва касавшийся макушек Высших, решивших потревожить безмятежное пространство.

Когда-то в междумирье Праха разразилось сражение за власть в Подземном мире. Демоны нещадно выжигали землю под ногами врагов, разрушали силой, дарованной богами, всё живое, что хранил мир, а после остался лишь серый, безразличный к жизни пепел. Ни живое, ни мёртвое царство готовилось созерцать переговоры.

Дмитрий остановился — за ним повторили члены Ордена. До врага оставалось не больше десяти метров. Ближе подходить незачем, приветственное рукопожатие не требовалось. Лидеры обменялись едва заметными кивками, но жест был далёк от любезностей. Воздух между созданиями закипал, точно чугун в мартеновской печи. Дмитрий смотрел на Зверя без страха, с некоторым презрением, но и осознанием, что противник могущественен.

— Анатро, Дмитрий, дэ каранэ. Детра то мир. — *«Браво, Дмитрий, я впечатлён. Девушка у вас».*

Голос Зверя был тихим: вязкой дымкой или же сталью клинка, он резал плоть, ласково забираясь в сердца ведомых, одурманивал разум и обрекал души. Предсказуемо, что его ряды безуданно пополнялись новыми сторонниками, пламенно поддерживавшими кровавые идеи.

— Мне известен древнеангельский диалект, Зверь, — холодным тоном произнёс Дмитрий, сцепив пальцы в замок за спиной.

— На нём со мной говорила мать, — беспристрастно ответил Зверь. — Иногда — боги.

— Мы пришли обменяться пленниками, — напомнил Дмитрий, чувствуя напряжённую энергию участников Ордена за спиной. Волнение росло: демон, пленённый Зверем, — друг Эмина, — чья тревожная энергия буквально толкала Дмитрия в спину. — Двое твоих последователей за одного нашего демона, Зверь.

На каменном лице врага не дрогнул ни один мускул. Разного цвета глаза не отразили ни одной эмоции. Лишённый чувств, он смотрел не в тот мир, где находился, а в свой — внутренний и бездонный, точно пропасть без границ.

В одно мгновение Дмитрий, как и все члены Ордена, ощутил вторжение в их энергии. Зверь прощупывал каждого, желал добраться до сокрытых источников, которые хранил Орден, но защита прочным незримым куполом укрывала их тайны. Однако Зверь и без того всё понял. Взгляд голубого и карего глаз прояснился, радужки заискрились предвкушающим безумием, уголок губ дрогнул в приторной ухмылке.

— Лестно, что вы проводите параллель между мной и символом хаоса и разрушения.

— Ты и есть грядущая гибель всего живого.

— Враги пророческими речами пытаются подкупить мою благосклонность после битвы с богами? — иронично уточнил Зверь, слегка изогнув угольную бровь.

— Тебе не добраться до богов, не победить! — от стужи, сквозящей в голосе Дмитрия, над головами подрагивал туман. — Твоя голова окажется на плахе, как и должно было произойти много столетий назад, но боги смиловались.

— Да, их милость трудно оспорить, — презрительный смешок сорвался с губ Зверя.

— Обмен! — сквозь зубы прорычал Эмин за спиной Дмитрия.

Дмитрий обвёл пристальным взглядом приспешников Зверя. На лицах каждого ни тени страха или сострадания. Выкованные из твёрдых убеждений воины, готовы сражаться на стороне своего жестокого господина, принять смерть за воплощение его идей — и проложить путь из костей, смешанных с плотью, лишь бы совершить возмездие.

— Эмин, ты так тоскуешь по своему другу? — с фальшивым сочувствием обратился к демону Зверь.

Лёгкий жест головой — один из приспешников в алой мантии немедля вывел из-за спин остальных пленника. Демон, прислуживающий Зверю, в ту же секунду опустил собрата на колени, схватил за волосы на затылке, заставляя смотреть на Зверя снизу вверх.

— Моли господина не отбирать твою ничтожную жизнь! — приспешник сильнее сжал волосы на затылке демона.

Члены Ордена напряглись, но Дмитрий сделал жест рукой, приказывая всем оставаться на своих местах. Он предполагал, чем может всё закончиться. Сейчас вступить в неравный бой приравнялось к самоубийству большинства союзников — немногим пришлось бы спастись унижительным бегством. Этого ангел допустить никак не мог.

— Молю! — прошептал демон, но даже в дрожащем шелесте не было ни капли мольбы, скорее отвращение к своему истязателю и к тем, кто служит ему.

Губы Зверя тронула полуулыбка — хищная, плотоядная. Он еле заметно кивнул, переводя горящие такими разными огнями глаза на Дмитрия... И тот всё понял. Обмен не состоялся.

— Шарм и Демиан, держать Эмина! Эликсия, подавить силу! — громopodobным тоном скомандовал Дмитрий, не сводя глаз со Зверя, улыбка которого рассекала гранитное лицо.

Прислужник с силой развернул демона, сдирая его кожу на коленях. Руки пленника, скованные цепями, были заведены за спину. Он повалился вперёд, но верный слуга Зверя с новой яростью вцепился в его волосы. Вынудил взглянуть на тех, кому он был всегда предан. С болью во взгляде, но несломленной душой. Израненным телом, с изувеченным лицом, но чистой совестью. Всем своим видом он показывал, что его волю не сломили.

Дмитрий слышал проклятия Эмина, вырывавшегося из рук Шарма и Демиана, острые клятвы убить Эликсию, чья сила подавляла его собственную. Ангелу жаль, но нельзя поддаваться на провокации Зверя. Не сейчас, не время и не место.

— Паршиво молишься! — процедил приспешник, отпуская волосы демона.

В ушах Дмитрия звенело так громко, однако он не посмел ни закрыть глаза, ни увести взгляд. Каждая жертва Зверя не только отпечатывалась болезненным клеймом на сердце, но и прибавляла сил, подпитывала его злость.

Эмин взревел, точно обезумевший хищник, попавший в капкан, когда Зверь одним движением вырвал крылья демона из Ордена. В миг они вспыхнули пламенем, тут же обратившись в пепел и осыпавшись к ногам. Демон захрипел сквозь плотно сжатые губы. На глаза навернулись слёзы, но он не позволил вырваться ни одной капле боли.

Дмитрий прочёл следующий приказ Зверя по губам:

— Голову с плеч!

Приспешник лёгким движением откинул ткань алой мантии, в его руке показался меч. Сталь клинка сверкнула в глазах Дмитрия, прежде чем отделить голову от тела. Так легко и непринуждённо, словно слуга Зверя каждый день отнимал жизни у себе подобных. Безвольное тело бывшего союзника с глухим ударом упало на выжженную землю. Сердце Дмитрия сжалось, а желудок обволокла колючая проволока боли и ярости.

— Я убью тебя, убью! — ревел за спиной Дмитрия Эмин, всё ещё вырываясь из рук Шарма и Демиана.

Неровный шёпот и тихие голоса призывали Эмина успокоиться, но разве это возможно?

— Ты не собирался обмениваться пленниками! — заговорил Дмитрий без прежнего спокойствия. Его слова вырывались из горла битым стеклом. — Тогда зачем?

— Девчонка! — голос Зверя больше не был циничным, он утратил иронию, только наполнился свинцом, щекоотливой уверенностью. — Она принадлежит мне!

Зверь покосился на отрубленную голову, лежащую у ног Дмитрия, и улыбнулся звериным оскалом.

— Вернёте её мне — и, быть может, все остальные головы останутся на своих местах.

— Мы не знаем...

— Ложь — ангелу не к лицу, она добавляет порочных морщин.

— Ты никогда не получишь её, Зверь. В скором времени мы передадим её богам, — заключил Дмитрий, стараясь не обращать внимания ни на голову подле своих ног, ни на завывания Эмина. — Ты сорвал свою часть сделки. Твои прислужники остаются у нас.

Зверь вскинул подбородок и рассмеялся низким, проникновенным смехом, способным накалить воздух. Дмитрий понимал, что под плотью сына богов кроется существо с обезображенной душой и прогнившим сердцем. Века, проведённые в кромешной тьме, исказили восприятие того, кто когда-то был ребёнком. Его воспитывали не любящие родители, а неисчерпаемый мрак, всепоглощающая тишина, бесконечный купол, которому, казалось, не было ни конца ни края.

— Они мне не нужны. Сокрото агнцам у ватру! — «Гореть агнцам в огне».

С этими словами Зверь расправил крылья за спиной — безукоризненно белое и мглисто чёрное, они напоминали всем о его происхождении. Он не ангел, не демон. Не бог. Зверь. Кончики перьев скрылись в плотном тумане. Он склонил голову, глянув на всех членов Ордена исподлобья. Один мощный взмах — Зверь уже скрылся за завесой серого марева. Приспешники последовали его примеру. С земли взметнулось облако пыли, а Дмитрия и всех остальных обдало душным, горелым воздухом и пеплом.

Не успел он обдумать услышанного, как вопли разорвали пространство. Высшие Ордена выстроились кругом: за спинами воинов в агониях корчились приспешники Зверя. Дмитрий в два шага раздвинул ряды обескураженных ангелов и демонов и замер, наблюдая за невообразимым зрелищем: двое мужчин упали на колени и развели руки в стороны.

— Сокрото агнцу у ватру! — словно мантру пропел первый, за ним то же самое проскандировал второй.

— Что происходит? — голос Эликсии задрожал.

— Они придают тела огню, — обречённо ответил Дмитрий.

В подтверждение слов ангела, плоть последователей Зверя покрылась красными вздувшимися венами, словно трещинами на стекле. Зрачки закатились, оставляя белки, которые мгновенно почернели, будто обуглились. Пламя пожирало не снаружи, а изнутри — оно вырывалось изо рта, из глаз, из трещин на теле, и охватывало всё, что оставалось от так называемых агнцев. Посмертная преданность Зверю.

Глава 2. Новая жуткая реальность

Жуткая головная боль — первое, что Аделина почувствовала после пробуждения. Следом накатила тошнота, подступающая к горлу. Ей казалось, если откроет глаза, то мир разлетится на части. Тело ломило, словно девушку избили или... она попала в аварию. Но Аделина не помнила, что произошло. Она даже не знала, где находится сейчас. И казалось, что не хочет знать. Сознание было раздавлено, точно под прессом. Память — осколки, рассыпавшиеся и канувшие в глубину, куда ей пока не дотянуться. В нос ударил запах гари, и она поморщилась.

— Ненавидишь меня?

— Стараюсь!

Голоса снаружи доносились отдалённо, словно через стену. И всё же они ей были знакомы. Но пока мозг собирал все нужные части постепенно, а тело не подчинялось командам. Всё, что оставалось, — лежать и ждать, пока сознание вынырнет на поверхность.

— Никто даже не постарался хоть что-то сделать... Все просто смотрели...

— У нас не было выбора... Это чистая провокация...

Голоса... Эмин и Лика... Они говорят на октаву выше шёпота, но интонация напряжённая. Между ними вот-вот оборвётся нить доверия и незримого союза. Почему Аделина это ощущает так явно?

— Эрик мёртв! — прошипел Эмин. — И его кровь на ваших руках!

Боже... Что произошло с Эриком? Почему Эмин обвиняет Лику?

— Заткнись, Эмин! Он был и моим другом!

— Опять скажешь о жертве ради высшей цели? Или как там говорит Дмитрий? Ну же, Эликсия, повтори слова твоего сердечного наставника!

— Закрой свой рот, иначе, клянусь!..

Аделина наконец смогла пошевелить конечностями, слабо сжав пальцы в кулаки. Сухой стон сорвался с обветренных губ. Голова всё ещё раскалывалась, но пульсация в висках понемногу утихала. Воды бы... Хоть глоток, иначе она сойдёт с ума.

— Ади! Как ты? — голос Лики послышался ближе, её рука коснулась запястья девушки.

Аделина пошевелила губами, но вновь выдохнула лишь рваный стон. Слова мятой бумагой застревали в иссохшем горле. Хрипя, она всё же приоткрыла глаза. Пока взгляд фокусировался, всё плыло, словно Аделина смотрела через водную рябь. Силуэт Лики опустился на край кровати, а мутный образ Эмина навис над ней. Его рука потянулась вперёд, приподняла голову за затылок — к её губам прикоснулось прохладное стекло. Первым глотком воды она поперхнулась, но следующие сделала с особой жадностью.

— Как ты? — повторила вопрос Лика.

— Норм... нормально, — хрипло ответила Аделина. — Что... случилось? Почему так... всё болит?

Зрение постепенно возвращалось, но лица друзей оставались расплывчатыми. Она не могла разобрать эмоций, но чувствовала их тревогу. Лика посмотрела на Эмина, который не отводил от Аделины обеспокоенного взгляда. В памяти резко вспыхнул свет, озаряя её оранжевым полыхающим пламенем. Она зажмурилась, громко выпустив из лёгких весь воздух.

— Ты помнишь, что произошло? — голос Эмина прозвучал с примесью странного сомнения.

— Пытаюсь вспомнить... но голова... болит. Тело... словно я с обрыва сбросилась... на мелководье. Все кости ноют...

— Фантомные боли, — сказала Лика, обращаясь к Эмину.

Снова вспышка, ощущение полёта, удар... влажный треск... плоти и костей.

— Нужно позвать Дмитрия...

— Эликсия, не вынуждай меня делать тебе больно!

— Он поможет...

Почему Эмин называет Лику таким именем? Что случилось с самой Аделиной? Где она находится? Зрение с каждым взмахом ресниц становилось чётче, силуэты перестали растекаться. Лика сидела рядом, держа девушку за руку. Её нежное лицо исказилось от волнения, а взгляд серо-голубых глаз внимательно всматривался в лицо Аделины. Лика смахнула пряди чёрных волос за спину, вымученно улыбнувшись.

— Я рада, что ты наконец пришла в себя, — с нежностью произнесла она.

— Где я? Что произошло? — попытка приподняться на локтях отозвалась вспышкой боли в затылке.

Над кроватью навис Эмин, долго изучая её лицо, а она в ответ смотрела на него. Всё не так гладко, как хотелось бы, — это девушка уже поняла. Он думал, подбирая слова, но не мог найти подходящих. Вместо речей Эмин склонился к ней, упираясь руками по обе стороны от её головы. Задержал губы на её лбу, словно проверял, нет ли жара. Но дело не в температуре.

Лика резко оттолкнула парня от Аделины, упираясь в его грудь ладонью. Эмин, не сопротивляясь, мягко отстранился. Лика посмотрела на девушку с растерянностью. Прохладной ладонью погладила Аделину по щеке. Их поведение, мягко говоря, пугало, и в без того напряжённом теле Аделины мышцы стянулись узлами.

— Ты действительно упала, но... не с обрыва. Сейчас ты в безопасности... у нас дома.

— У вас... дома? — глаза Аделины сузились.

Она впервые слышала, что Лика и Эмин живут вместе...

— Она хотела сказать, у нас во временном доме.

Аделина совсем ничего не понимала, но и не утруждалась — по крайней мере пока. В голове — хаос из мыслей и воспоминаний, и сейчас ей даже сон от реальности различить было трудно.

— Есть обезболивающие? — слабо осведомилась она, переводя взгляд на потолок.

— Они тебе не помогут, Ади, потерпи немного, скоро всё пройдёт, — заботливо произнесла Лика. — Но постарайся, пожалуйста, вспомнить, что случилось. Так будет намного проще. — Периферическим зрением Аделина уловила метнувшийся в сторону Эмина взгляд подруги. — И нам, и тебе.

Лика поднялась на ноги и кивнула Эмину в сторону выхода, но он упрямо стоял на месте. Тогда она шикнула на него, многозначительным взглядом указывая на дверь. Эмин всё же с неохотой прошёл мимо кровати, не отрывая взгляда от Аделины. Он вышел первый, а Лика, посоветовав девушке отдохнуть в тишине, закрыла за собой дверь.

Отдохнуть... Как? Тело периодически пронзало невидимыми иголками, явно напоминая, что с ней произошло что-то скверное. Лика сказала, что она всё же упала... Не зря в ушах стоял свист ветра, а тело ощущало полёт. А затем удар, треск... темнота. Если и так, то почему на ней ни одного ушиба?

Аделина подтянула одеяло к подбородку — обоняние обдало свежестью. Запах гари рассеивался, покидая комнату вместе с Ликой и Эмином, и дышать сразу стало легче. В затылке ещё ломило, но в висках боль отступила. Она прикрыла глаза, и сознание заволкло сонной дымкой.

Наступило умиротворение: вокруг было столько переливчатого света, живого! Он кружил пурпурными и золотыми лентами вокруг её тела, трепетно покачивая в темноте, убаюкивая. И ей не было страшно — Аделина чувствовала, что никакая тьма не проберётся сквозь сияние. Давно она не ощущала подобного спокойствия и защиты... Точнее, никогда. Ведь это просто сон?

Вдруг над ней нависла тень — высокая и, по сравнению с девушкой, огромная. Тень ходила кругами, шептала, но слов было не разобрать. Аделина скорее не видела, а чувствовала

происходящее. Силуэт уходил и возвращался. Снова шелест, беззлобный, но полный отчаяния. Казалось, он хочет спать, но почему-то не может уснуть. Он вновь уходил и возвращался. С большим сокрушением, но теперь у него появилось новое чувство — желание расплаты. С каждым возвращением тень наполнялась новыми живыми эмоциями, и всё труднее было отделить её от внешней мглы: они начинали сливаться. Иногда силуэт пробовал прикоснуться к Аделине, но всякий раз свет обжигал его сущность.

В какой-то момент темнота зашевелилась. Нет, это она задвигалась — точнее, кто-то нёс её, словно ребёнка. Вдруг сон превратился из плавного, тягучего повествования в резкие и яркие картинки, будто кто-то пролистывал фотографии жизни Аделины... Или лишь воображения, которые подкидывает расстроенное сознание? Появился свет, но исчезли сияющие ленты.

Девушку наполнили чувства всепоглощающей пустоты, беззащитности, одиночества. Словно её лишили... абсолютно всего. Но она не могла осмыслить свою утрату. Чьи-то руки прижимали её к груди, ласково шепча: «Тише, тише, Аделаида, скоро ты почувствуешь тепло матери».

Далее — слайды воспоминаний: объятия мамы, первые шаги, детский сад, ободранные коленки, снежная горка, переезд в новую квартиру, сбежавший, так и не найденный хомяк, школа, подруги, первая влюблённость и разочарование, институт, неожиданное появление Лики, Эмина и Эрика на потоке. Аделина с ними достаточно быстро сдружилась, хоть и не пыталась слиться с их компанией — скорее наоборот. За пару месяцев Лика смогла заменить ей сестру, которой никогда не было. Эрик стал другом, не близким, но она научилась принимать его нетерпеливость и спонтанность.

А Эмин... Он поцеловал Аделину первый раз у дверей ночного клуба. Он был пьян, и жесты его казались развязными, жадными — и оттого желанными. Но что-то во всём этом было неправильным: сомнения роились внутри неё, точно червяки в жестяной банке.

Картинки закончились — и вот Аделина уже открывает дверь в квартиру. Всё как обычно: она скидывает с ног кроссовки, кладёт ключи на полку под зеркалом, перекидывает ремень сумки через плечо. Оповещает маму о своём прибытии, но ответом становится тишина.

Девушка проходит на кухню, движется мимо круглого стола, останавливается перед панорамным окном, которое открывает вид на оживлённую улицу, поглощаемую сумерками. По дороге плотным потоком движутся машины; люди толпятся на светофорах, ожидая зелёного света; кто-то бежит, но не успевает — двери трамвая закрываются. Уличные фонари высвечивают небольшую аллею внизу.

В отражении стекла Аделина замечает движения размытых силуэтов. Сердце пропускает удар... второй. Всем своим естеством она чувствует, что это не мама. Поворачивается вполоборота. Двое мужчин в красных мантиях. Глубокие капюшоны бросают тень на лица, но не скрывают их полностью. Оба крепко сложены, широки в плечах, подтянуты. От таких не сбежать, не прорваться силой. Путь к выходу отрезан.

Один из них делает шаг вперёд. Говорит, что она должна пойти с ними, но Аделина не двигается с места, всматриваясь в его неестественные черты лица. Даже тень не может скрыть античные, точно высеченные из мрамора изгибы.

И тогда всё началось. Пространство вокруг Аделины расплавилось, делая сон расплывчатым. За спинами мужчин появляются Лика и Эмин — но это были не те, кого она знала прежде. Их глаза горели огнём, а за спинами — иссиня-чёрные перья, дрожащие в воздухе. В тот же момент у двоих в мантиях крылья появились из ниоткуда. Квартира Аделины для этих существ казалась слишком крошечной.

Лика стояла за спиной Эмина, с яростью смотря на мужчин. Один из них поднял руку ладонью вверх. Яркий сгусток света резанул по её сетчатке, но остальные, казалось, ничего не

заметили. В следующий момент сияющий шар потускнел и уменьшился, а Лица издала короткий смешок.

Второй мужчина вытянул руку вперёд, шепча странные слова на незнакомом языке. Сходя с его пальцев, к Эмину потянулись чёрные дымчатые отростки, словно продолжение конечностей. Мглистые корни дыма обвилились вокруг горла того, кого Аделина считала... другом — или чем-то большим.

Она видела, как колени Эмина подкосились, но в следующее мгновение на его руках появились языки пламени, игриво ласкающие кожу. Перед тем как мир вокруг девушки рухнул, она ощутила волну жара и услышала крик Лица. Мощный поток горячего воздуха снёс её с ног — а заодно и панорамное окно.

И вот оно — ощущение полёта. Аделина летела вниз, широко раскинув руки, среди осколков стекла. Спиной она ощущала сопротивление воздуха, но он был не в силах помочь. Внизу её ждала кровля крыш, пристроенных к дому зданий. В ушах свистело, волосы трепетали на ветру.

Мысленно девушка попрощалась с жизнью — и тут из проёма, где раньше было установлено окно, показался Эмин. Его тело стрелой устремилось к ней, а чёрные крылья крепко прижались к спине. А затем — удар.

Аделина открыла глаза, задышавшись. Большими глотками она вдыхала воздух. Вспотевшая, словно её окатили ведром воды. Ужасная реальность обрушилась лавиной страха и боли. Сердце колотилось о рёбра, желудок скрутился. Она умерла... Должна была умереть...

Дрожь пробирала всё тело, точно лихорадка. Аделина скинула с себя одеяло, сгорая от жара, пульсирующего под кожей. Поднялась на ноги, придерживаясь руками за металлическое изножье кровати, и сделала пару неуверенных шагов. Затем рванулась к выходу, выбросив руки вперёд, упёрлась в стенку рядом с дверью. Позволила себе взять секунду на передышку.

Страх держал Аделину за шею, душил. Ей нужно выбраться из дома Эмина и Лица! А что потом? Бежать домой, найти маму и обо всём рассказать? Или сразу в полицию? Но после подобного рассказа её точно упекут в психиатрическую больницу!

Страх не только прибавлял сил, но и заставлял действовать необдуманно. Девушка приоткрыла дверь и через щёлку выглянула в коридор. Её не сильно впечатлил странный и узкий коридор, выложенный камнем. Больше ужаса было в том, что маленькие оконца расположились почти под потолком — вероятно, чтобы не было возможности сбежать.

О том, что она босая вышла в коридор, напомнил холод от прикосновения ступней к полу, вымощенному пожелтевшей от времени плиткой. Стараясь не обращать внимания на сквозняк, спешащий вместе с ней, Аделина направлялась вперёд... или назад — чёрт его знает! Нужно было понять, где выход.

Она словно в каком-то старом замке, что до дикости пугало. Иногда, придерживаясь за стену, девушка обращала внимание, что есть и другие двери. Что за ними — она выяснять не станет.

Коридор уходил налево — она вместе с ним. Ещё один поворот — и Аделина увидела впереди площадку, окаймлённую гранитными перилами. Немного впереди, с правой стороны, — двухстворчатые высокие двери, обитые металлическими полосами. На секунду она замерла, глядя на замысловатую резьбу. Вдохнула побольше воздуха и осторожно шагнула вперёд.

Впереди она заметила широкую лестницу, и с едва ощутимым облегчением выдохнула. Но тут открылась дверь, и на неё устремился взгляд мужчины, облачённого в чёрную накидку, опоясанную широкой лентой. Аделина замерла, как и он. В его серых глазах читались растерянность и непонимание: как она здесь оказалась? Но затем он свёл брови к переносице. Сердце в груди Аделины затрепыхалось, словно пойманная птица.

Всё в нём напомнило тех двоих в красных мантиях. Лицо его казалось неестественным, словно из другого мира. Древняя, лишённая изысков красота. Его возраст невозможно было угадать — он выглядел вне времени.

— Ты в порядке? — обратился он к ней низким, спокойным голосом, смотря сверху вниз.

«В полном...» — подумала Аделина, осознав только сейчас, что инстинктивно обнимает себя одной рукой, стараясь прикрыться. В мешковатой сорочке, с босыми ногами, она прижалась к стене подальше от него. Мужчина заправил за ухо белоснежную прядь, спадавшую ниже плеча. Он тяжело, устало вздохнул, придерживая одной рукой приоткрытую дверь. Посмотрел в коридор, откуда пришла гостья, — вынужденная, явно того не желавшая.

— Где Эмин и Эликсия? — с тяжёлой задумчивостью спросил он.

Аделина сглотнула ком в горле. Сердце разогналось вновь, когда она, прильнув к холодной каменной стене, проскочила мимо мужчины. Собирая все силы, она понеслась к лестнице. Руки её вцепились в перила, а взглядом она ловила ступени. Только бы не оступиться и не покатиться кубарем вниз! Наконец, под сводом здания она увидела двери. Массивные, на вид тяжёлые, но стоило девушке со всей силы налететь на них — они с лёгкостью распахнулись.

Аделину ослепил дневной свет. Прикрываясь ладонью, словно козырьком, девушка пыталась оглядеться. Под ногами — каменные, грубо обработанные плиты, подогнанные друг к другу. По обе стороны от дороги раскинулись поляны с зелёной травой, кустарниками, редкими деревьями. За внушительным зданием виднелись строения, похожие на беседки с массивными столбами. Маленькие питьевые фонтаны, высеченные из камня. Аделина поспешила прочь, следуя за дорогой. Она должна вывести её к выходу — по крайней мере, девушка на это надеялась.

— Аделина, остановись!

Голос Эмина хлестнул её по спине, заставив девушку ускориться. Лёгкие горели, мысли метались, словно потревоженные летучие мыши в пещере.

— Ади, прошу, выслушай нас! — с мольбой вскрикнула Лика.

Вновь запульсировали виски. На ступнях содралась кожа. Помимо страха и боли нарастало чувство безысходности. Бежит, но не знает куда, от кого — от друзей? Кто они на самом деле и что им нужно? Будет ли конец этому проклятому пути? Девушка оглянулась через плечо — ноги уже перешли на хромую рысь. Эмин и Лика держались на расстоянии. И вдруг Аделина остановилась как вкопанная: перед ней, в двух шагах, зиял обрыв.

Поток холодного ветра в лицо выбивал из лёгких весь воздух. Обессиленная, изумлённая и побеждённая, Аделина опустилась на колени. Дорога обрывалась внезапно — будто с земли содрали кусок. Впереди раскинулась пропасть. Перед глазами проплывало редееющее облако, обнажая землю. С этой головокругительной высоты мир казался ничтожным.

Девушке вдруг захотелось рассмеяться — истерично, на грани вопля. Схватиться за голову, рвать на себе волосы — лишь бы поверить в происходящее. Сделать себе ещё больнее, чем есть. Но, поглощённая зрелищем, она не могла даже пошевелиться. Она на небесах, не иначе. И всё-таки — умерла.

— Ади, пожалуйста, не приближайся к обрыву! — вновь голос Лики, полный мольбы.

— Ну... в этот раз я её точно поймаю, — заверил Эмин. В его голосе нет иронии — скорее настороженность и готовность исполнить обещание.

Аделина повернулась к ним с глазами, полными слёз.

Глава 3. Голая кость

По узкому тёмному коридору разносилось эхо шагов, дробью отскакивая от стен. Огонь, трепыхавшийся в факелах по обе стороны, то отражался на лице Ария, лаская выразительные черты, то отступал в тень, словно даже пламя сторонилось его сути. Стены, грубо выложенные каменными плитами, покрылись не одним слоем пыли, а паутина прочно укоренилась в стыках и трещинах. В воздухе пахло затхлостью и сыростью. Арий ступал по слегка наклоненным вниз плитам, словно путь его вёл напрямиком в Подземный мир.

Преодолев несколько поворотов, лабиринт выпустил своего хозяина к темницам, погруженным в вечный полумрак. Арий проходил мимо толстых стен, разделявших комнаты для заточения; через несгибаемые решётки на него смотрели десятки пар глаз, но никто не осмеливался ни протянуть руки, ни молить о пощаде. Все пленники понимали, что будущее их сокрыто завесой мрака. Здесь воздух был не только спёрт: в нём смешались запахи гнили, экскрементов и грязной плоти.

Наконец Арий вышел в круглое помещение, хорошо освещённое огнями факелов. Мимо каменных колонн, в которых время прогрызло трещины, он подошёл к стене, где в широком стальном ошейнике на коленях сидела не то женщина, не то призрак. Цепь от железных оков прочно вонзалась в стену. Кожа смертной выглядела неестественно бледной, она обтягивала острые кости, которые, казалось, прорежут плоть при малейшем её движении. Арий не без омерзения прошёлся мимолётным взглядом по низко опущенной, увядшей груди.

— Почему она обнажена? — он говорил не громко, напротив, нарочито тихо, и тем опаснее звучал его голос в этом и без того в угнетающем месте.

— На ней не было одежды, когда её нашли.

Арий не дрогнул, когда из тени колонны к нему шагнул силуэт в красной мантии. Надвинутый капюшон скрывал лицо последователя глубокой тенью. С другой стороны появился ещё один союзник. Алый плащ на его плечах удерживал узел, завязанный на груди.

Наум — серафим — в первых рядах встречал Ария у кромки тьмы, сквозь века вёл за собой ангелов и демонов, приверженцев одних идей, нерушимой веры, неизменных взглядов, стремящихся к новому порядку. Наум привёл к Арию легионы созданий, которые готовы разрушить старый мир во имя нового, скинуть незримые оковы, накинутае богами, испепелить границы, начертанные ими же.

— Она не опаснее души, покинувшей тело, — заметил Арий, цепляясь взглядом за костлявый сгорбленный позвоночник. — И так же бесполезна.

— Но не для Барахаэля, — многозначительно напомнил Наум, не отводя серых глаз от лица своего господина. — Сейчас нам важна любая душа, как и плоть.

Арий отвёл взгляд от измождённой смертной и уставился в стену перед собой. На какое-то время пространство погрузилось в привычную для этого места тишину, но не приятную и долгожданную, а таящую в себе неизбежную кару для всякого предателя или же противника. Женщина не та и не другая — обычная смертная, утратившая своё содержание, что копилось в ней годами.

— Кто и зачем с ней так поступил? — Арий больше обращался к себе или к серым стенам. После столетий, проведённых в одиночестве и темноте, разговаривать с самим собой для него стало обыкновением.

— Кто-то из членов Ордена, — не раздумывая ни секунды, ответил Наум. — Но зачем — хороший вопрос. Значит, ей было известно больше, чем кому-либо из смертных.

— Разумеется, — едко бросил Арий. — Она воспитывала девчонку, которой от роду порядка десятка веков.

— Ну, — благосклонно ответил Наум, — ей могли подкинуть ребёнка, подменить...

— В таком случае мозги не расплавили бы, — Арий медленно вобрал в лёгкие тяжёлый, смрадный воздух, который почти ощутимо царапал лёгкие. — Приведи её в порядок: отмыть, одеть, накормить.

На миг глаза Наума расширились, но он быстро вернул лицу невозмутимое выражение. Арий знал, что вопросы последуют, но только когда они останутся наедине. Пока он и сам не мог ответить на многие из них, но женщину, ставшую лишь былым отражением себя, убивать не торопился. Может, всё дело было в чём-то ещё... или ком-то, однако Арий постарался прогнать чуждые мысли.

— Всех остальных — убить, — Арий отдал приказ с безжалостным равнодушием, которому могли позавидовать даже самые жестокие правители мира. Будто он не наказал обезглавить десяток Высших, а осведомился о погоде. — Тела передать Барахаэлю. Он пока справляется?

Серые глаза Наума блеснули восторгом, он не смог сдержать довольного смешка.

— Барахаэль похож на искусного гончара. Тела для него — словно глина. Он творит, лепит, придаёт форму и наполняет сосуды жизнью. Он так ценен — его дар и сила, — но боги давно о нём позабыли.

— Как и о многих других, — мрачно ответил Арий.

Арий уже поднимался из темниц, а Наум следовал за ним тенью, как и всегда, — его бесценная десница. Вдвоём они покинули темные коридоры, не пропускающие ни луча солнца, ни ночной прохлады. Шли в тишине под сводом древней колоннады: дневной свет мягко опускался через высокие арочные проёмы ансамбля.

Арий вдруг остановился и подошёл к мраморным перилам с мелкими сколами, оставленными временем. Положил ладони на прохладную гладкую поверхность. Осмотрел то, что когда-то было внутренним двориком: полуразрушенная статуя жителя небес, с прижатыми к спине крыльями и руками, сложенными в мольбе, обросшие мхом и лишайником каменные блоки круглого фонтана, давно иссохшего и усыпленного навеки. Скамьи, вытесанные из камня, также обвенчанные зеленью. Когда-то в этом междумирье бились сердца, стены всё ещё помнят смех детей и шелест перьев на крыльях, но всё кануло в небытие.

— Когда-то я играл в этом саду, — тихо проговорил Арий, словно его голос мог спугнуть те забытые чувства и воспоминания. — Тогда я думал, что здесь наш новый дом, но... я быстро осознал, что в нём мы скрывались от богов.

— Знаю, Арий, — Наум стоял поодаль, у правого плеча Ария, также рассматривая угасший сад. — Я всё помню.

— Жаль, что мне пришлось убить всех, кто здесь жил. Некоторые обитатели мне действительно нравились. Они... Были добры ко мне. — Арий вздохнул тяжелее, чем обычно, но боли при этом не испытал. Он сказал, что ему жаль, но это было отнюдь не так. — Предателей необходимо искоренять, безжалостно отсекай головы, сжигать дотла. Правда в том, что ты никогда не знаешь, кто станет следующим. Тот, кто сегодня опускается перед тобой на колени, завтра может сражаться на стороне противника.

— Ахава создала договор Крови. Она как никто иной испила наполненную до краёв чашу вероломства богов и тех, чьи кости дрожат под кожей от одного упоминания о них. Знаешь, в чём ещё истина, Арий? — Наум немного помолчал — не для того, чтобы Арий дал ответ или согласие. По-отечески серафим сжал его плечо, и в этом жесте заключалось куда больше, чем поддержка и преданность. — За тобой идут тысячи. Никто из них не слеп, не покорён. Они несут не только твою веру и цель, но и боль утраты, предательство. Боги их не страшат. Ангелы и демоны готовы отдать жизни за тебя. Не потому, что ты — могущественный ребёнок богов, низвергнутый ими, а потому, что ты дал им надежду на новый, лучший мир.

Арий молчал, обдумывая слова Наума. Всё смотрел на скамью, на которой когда-то мальчишка с разным цветом глаз и крыльев выводил пальцем, перепачканным кровью предателей, фразу на древнеангельском: *Смерть богам.*

— Нам обоим известно, — наконец промолвил Арий, распрямляя плечи и сцепляя пальцы в замок за спиной, — что за смертью богов дело не станет.

Наум отпустил смешок, тихий, как шелест ветра, но и такой же вездесущий.

— Я знаю.

Глава 4. Отрицание, гнев, торг...

— Нет! — Аделина истерично усмехнулась, запустив пальцы в волосы и сжав на затылке. — Мне двадцать лет! У меня есть дела... Завтра пары и... и... мне нужно домой!

Эмин и Эликсия тревожно переглянулись. У них получилось оттащить девушку от обрыва и завести обратно в стены Ордена. Она не сопротивлялась, когда они закинули на плечи её руки и словно безвольную куклу вновь несли туда, откуда Аделина так яростно желала сбежать. Сейчас она сидела на краю кровати, упёршись локтями в колени, спрятав лицо, и сжав в кулаки волосы на затылке. Импульсивно качая головой, девушка не желала верить ни единому слову... друзей ли?

Грудь сдавливал первобытный страх, а рёбра, словно превратившись в изворотливых змей, вонзались в сердце и пускали яд, распространяя отраву по всему телу. Всё казалось сном, ужасным, удерживающим в своих когтистых лапах сновидца. А в голове мысли, точно ослепшие вмиг птицы в небе, бились друг об дружку, и замертво падали на землю.

— Ади, ты не умерла, — Лика говорила тоном, которым обычно говорят с душевнобольными. По крайней мере, так казалось Аделине, быть может, сейчас она была бы и рада оказаться в клинике с подобным расстройством, а не где-то в небесах на парящем в невесомости острове. — Ты правда вылетела в окно и... упала на крышу. Но твоё сердце билось, когда мы принесли тебя в междумирье. Дмитрий излечил все твои повреждения, поэтому, когда ты проснулась, остались лишь фантомные боли.

— Это не может быть правдой... — прошептала Аделина зажмурившись, и вновь сокрушённо покачала головой. Сильнее стиснув в пальцах волосы у корней на затылке, издала уж слишком жалобный стон.

— Аделина, посмотри на меня, пожалуйста.

Голос Эмина раздался так близко, что от испуга девушка подняла голову и чуть не столкнулась своим лбом с его. Отпрянула назад, опершись на прямые руки позади себя. Эмин опустился на корточки перед Аделиной, положив ладони по обе стороны от неё на край кровати. Ей хотелось отползти подальше, но его пленительный взгляд карих глаз вынудил девушку замереть. Даже гулко бившееся до этого сердце сбавило обороты.

— Я всё ещё близкий тебе... человек. А Лика твоя подруга. Нам жаль, что всё вышло именно так, но поверь, мы не причиним тебе ничего плохого. Просто постарайся нас выслушать и потом дай себе время на размышления.

— Близкий? Подруга? — Аделина могла бы искренне изумиться, если бы перед глазами вновь и вновь не вспыхивали образы крылатых созданий, имеющих необъяснимую, но поразительную силу. — Я вас не знаю... Всё это время не знала, кто вы такие...

— Мы обязательно бы рассказали, — заискивающим тоном говорил Эмин, не отводя глаз от Аделины. — Немного позже, но объяснились бы перед тобой. Просто... то, что произошло у тебя дома... те твари...

— Эмин! — в беседу слишком резко влезла Лика. — Подбирай слова!

— А я, по-твоему, чем занимаюсь?

Эмин мягко оттолкнулся от кровати и поднялся на ноги, запечатлев на Лике укоризненный взгляд. Что-то между ними произошло, то что оставило неизгладимый след в их отношениях. Аделина пока не могла погружаться в чужие распри, не разобравшись с собой и своим новым положением. Слишком много вопросов, но от их абсурдности кружилась голова.

— Где моя мама? — Аделина перевела взгляд с Эмина на Лика и обратно.

Эмин отошёл к окну, словно предоставляя возможность Лике самой объясниться. Взгляд Аделины неосознанно прошёлся по одежде парня: чёрная рубашка с косым воротом, брюки, заправленные в сапоги с высоким голенищем. Тёмные волосы как всегда небрежно взъеро-

шены, черты лица заострённые, высокие скулы, раскосые карие глаза, прямой нос с еле заметной горбинкой. Эмин худощав, но вовсе не костляв.

Руки Аделины всё ещё помнили его твёрдое тело, горячую кожу, а губы — дерзкие поцелуи... Но теперь... Всё изменилось. Вряд ли когда-то она сможет заснуть рядом с ним, положив голову на размеренно вздымающуюся грудь.

— Мы не знаем, где твоя мама, — Лика на время разогнала мысли Аделины, точно назойливую мошкару. — Точнее, мы знаем у кого она, но...

— «Но» что? — Аделина почувствовала зарождающиеся беспокойство и злость. — У кого она? Кто вы такие? Что вам надо от меня и моей мамы?

Аделина подобрала ноги на кровать, отодвинувшись на самый край. Сейчас она похожа на зверька, загнанного в угол, готового поменяться местами с охотником. Её глаза превратились в маленькие щёлочки. Чувства внутри неё сменялись с каждой набегающей волной на берег разума.

Одновременно всё казалось полным умопомешательством и реальностью, обращённой в кошмар. Она видела своими глазами землю под безмятежными облаками, равнодушных к её переменам, лицемерла крылья за спинами людей, падала с высоты одиннадцатого этажа, но по-прежнему дышала.

Однако может ли сформированное человеческое сознание легко принять необъяснимое и иррациональное? Вряд ли когда-то Аделина всерьёз размышляла о других мирах, существовании прочих цивилизаций, помимо обычных людей — она материалист. Всегда такой была. Её не волновали мифы и сказания. Приземлённость — неотъемлемая часть её жизни.

Всё должно быть просто — здесь и сейчас, не усложнять то, что того не стоит, не «витать в облаках», отличать истину от вымысла. А теперь всё необратимо рушилось, то что прочно укоренялось в её сознании годами.

— Кто вы? — настойчивее повторила Аделина, аккуратно спускаясь с другой стороны постели. Нет, убежать она снова не станет, ей всего-то хотелось почувствовать под ногами твёрдую почву. — Кто. Вы?

Эмин, стоявший у окна, повернулся вполборота. Он постарался изобразить кривую улыбку, но та вышла подтаявшей, неуместной и вовсе не снисходительной, скорее печальной и извиняющейся.

Лика опустила большие, как у куклы глаза в пол. Её загнутые пушистые ресницы, которыми так часто восторгалась Аделина слегка подрагивали. На знакомой — назвать её подругой, у Аделины теперь язык не поворачивался, — по крайней мере, одежда простая, человеческая: серая мешковатая футболка, светлые джинсы, лёгкие кроссовки. Тёмные, почти чёрные прямые волосы спускались ниже пышных грудей, а лицо и вовсе фарфоровое, юное и невинное.

И почему раньше Аделина не замечала в знакомых той притягательности, которой они искрятся сейчас? Точнее, кое-что было... Но об этом она осведомится позже.

— Мы не люди, Ади, — тихо обронила Лика. — Мы демонические создания.

— Не спеши пугаться, ладно? — Эмин повернулся всем телом, подошёл к Лике, касаясь своим плечом её. — Мы не злые духи, искусители или бесы. Мы живём не на земле, но иногда спускаемся в мир людей, преследуя определённые цели. Полгода назад мы ступили на землю, чтобы присматривать за тобой.

— Но сблизилась мы не только по этой причине, — поддержала Лика. — Мы и впредь твои друзья... — Она покосилась на Эмина. — Я так точно.

— Всё, что между нами было... Я... дорожу каждой встречей. Тебе не нужно нас бояться.

— Хватит! — Аделина пошатнулась, но вовремя обхватила рукой ажурное изголовье кровати. — Спустите меня на землю! Что мне нужно для этого сделать? И верните мою маму!

Никто этого не видел, но под ногами Аделины дрожала земля, а в ушах оглушающе звенело. Её натянутое как струна тело, вдруг стало непослушным, тяжёлым мешком, наполненным

зерном. В голубых глазах хоть и плыли круги, словно рябь на студёной реке, но взгляд удавалось фокусировать. А голова готова либо расколоться надвое, либо сознание вот-вот померкнет. Но пока Аделина удерживалась где-то между, не готовая ни свалиться в обморок, ни забиться в истерику.

— Прошу... Что вы хотите взамен?

— Мы хотим защитить тебя, — с печальной серьёзностью ответила Лика.

— От чего... кого?

— Те люди... Точнее демоны, что пришли в твой дом, собирались отдать тебя Зверю.

— Зверю?... — Безропотно переспросила Аделина.

Эмин и Лика одновременно тяжело вздохнули. Заговорил Эмин:

— Пока мы не можем рассказывать больше. Ты еле держишься на ногах.

Аделина осознала, что стоит сгорбившись, дрожа телом и духом.

— Постарайся всё обдумать. Отдохни, а самое главное — поверь нам. Пока мы этого не заслуживаем, но дай нам шанс. И в ближайшие дни Дмитрий тебе всё объяснит.

Аделина, не в силах больше стоять, опустила на край кровати, всматриваясь в кружевные оборки пододеяльника. Провела по ним пальцами, абстрагируясь от всего мира. Взор её затуманился, а слова исчерпались, словно вода в пересохшем колодце. А нутро покрывалось тонкой коркой льда, на время избавляя девушку от постигшего наяву кошмара. Ей не хотелось абсолютно ничего, только водить подушечками пальцев по бледно-розовому кружеву.

Глава 5. Отшельница Шарма

Царство вечной мерзлоты. Горные хребты напоминали скелет мира, а горные пики и купола, упираясь в серое небо, создавали впечатление, что именно благодаря им небеса ещё не рухнули на землю.

Арий пролетал мимо горных выступов, каждый взмах крыльев поднимал в воздух обеспокоенные вихри снега, которые, казалось, никто прежде не смел тревожить.

Царство снега и льда встречало незваного гостя суровыми порывами ветра, вгрызающимися в тёплую плоть. Словно против сильного течения, Арий превозмогал потоки встречного ледяного шквала, ведь даже неисчерпаемая стужа не могла сравниться с его исступлённым пламенем.

Тело Ария, ровное, как стрела, несло к цели. За спиной — крылья, шелест перьев. Невзирая на жестокость природы, он восхищался величием и неприступностью навечно пронизанных холодом земель. Даже в какой-то момент сравнил себя с этим местом. Он такой же молчаливый, привыкший к одиночеству, заставляющий других опасаться своей сути и сторониться.

Однако века, проведённые в заточении, не сломили его — напротив, переплавили слабости, выковав, точно из стали, волю и силу. Немощность переродилась в могущественность. Он противостоял времени, подобно горе, что противостоит ветру и снегу.

Когда горный массив закончился, под Арием проносились холмистые равнины, дремлющие под покровом снега. Изменив наклон полёта, он начал снижаться. Вокруг, куда ни глянь, простиралась белая гладь и редколесье. Арий то взмывал выше, преодолевая очередной холм, то нырял вниз, повторяя неровности долины. Каждый раз, расправляя крылья, он чувствовал себя свободнее и... ближе к богам, но не испытывал положенного благоговения, а лишь жажду крови.

Возможно, если кто-то посмотрел бы со стороны, ему показалось бы, что Арий лишь дурачится, исполняя сложные пируэты в воздухе. Но, если присмотреться, его взор, острый и внимательный, выискивал одинокий домик среди белой холодной пустыни. А когда он заметил столб дыма за одним из холмов, то взмахнул крыльями, и, словно пикирующий орёл, прижал их к телу, вытянутому, как струна, мгновенно ускоряя скорость полёта.

Не скрывая своего визита, Арий сделал ещё один взмах крыльями, смягчая приземление. Опустился перед входом на припорошенную снегом тропинку. Посмотрел по сторонам, но постороннего присутствия не уловил, поэтому, медленно размяв шею и плечи, шагнул к бревенчатой двери.

Домик скорее напоминал избушку с двускатной крышей — слишком маленький, но весьма обособленный, если учитывать его местоположение. Когда Арий перешагнул порог, он сразу ощутил перепад температур: в деревянных стенах домика было тепло. Пахло сушёными травами, поленья потрескивали в печи, а за изобилие тёплого света отвечали десятки толстых свечей, расставленных и по углам, и по центру.

— Арий, я ждала тебя.

Плавнов сдвинув штору из множества нитей с вплетёнными в них камнями и различными бусинами, из соседней комнаты — спальни — вышла девушка в белоснежном, как и всё за пределами дома, хитоне, опоясавшем талию и грудь крест-накрест. Она прислонилась к дверному косяку, приняв изящную позу и демонстрируя обнажённую ногу в разрезе ткани. Её каштановые кудри спускались ниже плеч: кожа — матовая и смуглая, карие глаза, мягкие черты лица и изгибы тела.

Арий посмотрел на Шарму с нескрываемым вожделением. Но то желание не означало стремления обладать именно этой женщиной. Каким бы он могущественным ни был, ему не были чужды женские ласки.

Через некоторое время Арий раздвинул ладонями шторы, взял со стола лоскутную тряпицу, окунул её в таз с водой и обтёр шею, где ещё пульсировала от поцелуев кожа, затем провёл рукой по груди, но замер, почувствовав глубокий шрам под тканью.

— Поговаривают, что его тебе оставили боги, — из-за спины Ария вышла Шарма и осталась напротив него, протягивая ему рубашку со шнуровкой. — А может, боги сами и выдумали всё, а на самом деле у него другая история.

Арий молча забрал рубашку с большим вырезом на спине и натянул через голову. Взял со спинки деревянного стула красную мантию, накинул её на плечи, завязав тесёмки на груди. Затем опустился на скамью подле стены, облокотился на неё спиной, широко расставив ноги.

— Видел твоего брата, — Арий скрестил руки на груди и посмотрел на Шарму, слегка склонив голову. — Он с Орденом.

— Правда? — Шарма ухмыльнулась, устроившись за круглым столом в середине маленькой комнаты. — Жаль, что ты его не убил.

— Это легко исправить, — непринуждённо отозвался Арий.

Шарма немного нервно смахнула пряди кудрей с плеч.

— Будь он трижды проклят! Пусть и ангел, но по натуре — истинный демон!

— Вы дружны, — уголок губ Ария дрогнул. — Чем он тебя так расстроил?

— Убил моего возлюбленного, — Шарма помедлила, покачав головой. — Лет двести назад. А после скрывался до тех пор, пока Дмитрий не принял его в Орден. Боги ему простили убийство ангела, знаешь ли. Но я — не они. Не помилую, когда увижу: вырву крылья и выдавлю глаза, чтобы он осознал, что я чувствовала всё это время, — беспомощность и темноту.

Арий продолжал смотреть на Шарму — на сменяющие друг друга эмоции, на резкость её движений. Он не понимал чувств к упокоившемуся возлюбленному, но хорошо ощущал жгучую ненависть, что по сей день отравляла её душу. Ахава когда-то сказала маленькому Арию, что боль причиняют близкие, а не враги. Он был мал, когда его отринул мир, и прошло ещё недостаточно времени, чтобы он как следует со всем разобрался. Чувства для него — пока лишь вереница спутанных нитей, но одно он знает точно: боги за всё заплатят.

— Ты что-то узнала? Не просто так ведь ворона отправила.

— Узнала, но тебе не понравится.

Арий выгнул бровь и подался вперёд, словно мог не расслышать слов.

— Непокойное море, Арий. Вот куда ведёт твой путь. В его глубинах находится то, что ты так желаешь найти. — Шарма выдержала угнетающую паузу. — Невозможно погрузиться в его пучины и не погибнуть, даже тебе.

— Всегда есть другой способ, — невозмутимо парировал Арий. — И ты его знаешь, так говори.

Шарма печально покачала головой и поджала губы — ей явно не хотелось выдавать секретов. То даже был не секрет, а его возможные последствия. И она прекрасно осознавала, что Арий заплатит любую цену, лишь бы заполучить то, что сокрыто под толщей мёртвых вод.

— Сделка с тварями, что населяют море.

— Русалки?

— Они зовут себя нимфами смерти, — с какой-то сухой иронией ответила Шарма, она смотрела на свои руки, заламывая пальцы, словно действительно нервничала. — Твари исполнят твою волю только в обмен на плоть.

— Не так страшно, — Арий вздёрнул подбородок, посмотрев в потолок, на его лице танцевали тени пламени, подчёркивая жёсткие черты. — Я достану сколько потребуется.

— Хорошо, что я не согласилась пополнить твои ряды, Арий, — Шарма отпустила горькую усмешку.

Арий бросил на неё вопросительный взгляд.

— Ты бы и меня отправил на верную гибель в пасти тварей.

— Не говори глупостей. Твой дар слишком ценен, — Арий ответил честно, но не подумал, что ангела может задеть подобная искренность. Мысли его уже неслись к Неспокойному морю.

— Говорят, — меж тем заговорила Шарма, не пожелав принимать его слова близко к сердцу, — что в тех водах даже рыб не водится — они сожрали всех. Не представляю, как боги могли создать столь ль кровожадных созданий и заселили ими всё море, погубили всё живое вокруг. Сама стихия будто разгневалась, желая исторгнуть из себя существ, оттого и воды те беспокойные, шторма не заканчиваются. И солнце в тех местах совсем не проглядывает: тучи пологие, серые, почти чёрные.

Ещё немного посидев в тишине, Шарма поднялась с места и повернулась к Арию спиной. Прошла в другую часть помещения, подкинула поленьев в печь, принялась менять свечи. Высушенные на полотне травы в пучки собирала, склянками гремела.

Арий не смотрел на неё, думая о двух вещах: Неспокойное море и девушка, в чьей крови смешалась энергия его матери. И пока первое казалось более достижимым, чем второе. Однако есть связь, пусть и слабая.

Пока незримый купол Ордена прятал всех врагов Ария под своим сводом, он может хотя бы попытаться связаться с её сознанием. Он не увидит места, где она находится, но... увидит её.

— Кто-то из членов Ордена напрочь стёр сознание смертной, оставив лишь оболочку, неспособную даже ложку в руках удержать. Можно ли как-то исправить подобное?

Шарма усмехнулась, продолжая так и стоять к Арию спиной.

— Пересобрать её мозг? — то ли смешок, то ли фырчанье. — Я о таком не слышала. Нельзя из рубленого мяса, слепить прежний цельный кусок. Как ни старайся. — Наконец Шарма оставила свои дела и повернулась к Арию с сомнением в карих глазах. — Зачем Ордену вытворять подобное с обычным человеком?

— И я бы хотел понять. Эта смертная воспитывала девочку, избранную Ахавой.

— Ту, что заточили с тобой?

Арий кивнул.

— Значит, Орден добрался до неё первым, — Шарма отвела задумчивый взгляд в сторону.

— Я всё никак не приложу ума, как они успели? Как поняли, что она та самая? — Арий принялся размышлять вслух. — Стёрли всё, что могла знать смертная, но не проще ли было её убить? Но вместо этого они подбросили мне обглоданную кость. Блуждая в темноте, я всё думал, что мне понадобится её сила, что она некий ключ, но Ахава не была настолько бесщедочной, чтобы спустя века пробудить девчонку, которую мне предназначено убить — слишком низменная идея для богини. В ней есть силы матери, но лишь крупички — едва ли они облегчат мне битву. Эта девчонка — послание, язык которого мне пока неясен.

С тяжёлыми мыслями Арий поднялся на ноги. Ему предстоял обратный путь по заснеженной долине, вдоль горных хребтов и массивов. Но когда обычно обратная дорога кажется проходит быстрее, то сейчас Арию казалось, что она займёт вечность. На его плечи лёг невидимый груз размышлений.

На секунду он позавидовал Шарме, отшельнице, живущей в сердце холодных земель. Не в междумирье, а на небесах. Ближе к богам, но даже они чураются промозглой стужи. Трескучие морозы подавляют энергию не хуже запахов.

Поэтому Арий не тревожился о разоблачении его присутствия под ногами богов. Как и Шарма, которая не желала принадлежать ни к чьей стороне. Почему она помогала Арию, и сама не знала.

Не обронив более ни слова, Арий покинул единственное тёплое место, словно заблудшее в снегах.

Глава 6. Безнадёжность, принятие...

Дни и ночи тянулись в тишине и относительном одиночестве.

Три раза в день к Аделине заглядывала миловидная женщина с короткими белокурыми кудряшками и добрым, участливым взглядом. Мира — так она представилась — была немногословна. Лишь тихонько приговаривала, ставя на прикроватную тумбу поднос с едой и питьём:

— Ешь больше, набирайся сил, не дело девице днями напролёт в постели нежиться, надо вставать, осваиваться.

Мира же и показала девушке, где находится купальня: к счастью, недалеко — всего несколько поворотов по каменному коридору.

Аделине всё казалось в диковинку. Мир вокруг был чужим и непривычным. Вместо привычного душа или ванны перед ней предстал чан, наполненный горячей водой.

Из комнаты девушка выходила исключительно ночью, чтобы ни с кем не столкнуться. В течение дня она слышала за дверью голоса и топот шагов. В стенах старого сооружения действительно обитало много людей... Или как их следовало называть? Демоны и ангелы?

Странно, но Эмин и Лика ограничили девушку своими визитами, и она не знала, радоваться этому или печалиться. С одной стороны, ей хотелось поговорить с тем, кого она знает. С другой — она всё равно предпочитала оставаться в одиночестве: угрюмо думать о матери, о прежней жизни и моментах, которые уже никогда не повторятся.

А ведь она приложила столько усилий, чтобы добиться в своей жизни хоть чего-то. Но теперь Аделина всем существом чувствовала: ничего уже не будет как прежде.

На четвёртый день в дверь её комнаты постучали. По привычке она сидела на широком подоконнике, задумчиво выглядывая в окно. Как она могла предположить, вид открывался на просторный задний двор.

Всюду стояли ротонды с круговой колоннадой, увенчанные куполами. Именно эти строения она мельком видела, когда пыталась совершить побег. Внутри, насколько удавалось разглядеть, вдоль колонн были установлены каменные скамьи. В беседках собирались существа: они о чём-то оживлённо переговаривались или просто наслаждались отдыхом на свежем воздухе.

Поодаль раскинулся лес — не густой, но и не редкий; его тёмная полоса тянулась до самого горизонта, где резко, почти грубо, обрывалась.

В дверь снова постучали.

Мира обычно заходила без предупреждения — не шла, а словно проплывала по комнате, легко огибая постель. По утрам она распахивала плотные занавески, впуская свет, а по вечерам аккуратно задёргивала их. Иногда по её лицу, гладкому, без единой морщинки, скользила тень — будто напоминание о том, что она вовсе не стремилась оказаться в услужении у Аделины. Но свои мысли Мира не решалась высказать вслух.

Аделина плавно спустилась с подоконника, подошла к двери и едва приоткрыла её — лишь на узкую щёлочку. Почувствовала облегчение, когда увидела Лику, а не постороннего. Не говоря ни слова, девушка впустила подругу внутрь.

Лика осмотрелась так, будто Аделина посмела бы что-то поменять в комнате — добавить знак своего присутствия, хоть что-то, напоминающее о хозяине. Но ничего подобного Аделина не делала. Она всё ещё не верила, что останется здесь надолго, и не спешила привыкать к светлым стенам.

Лика положила на край кровати аккуратно сложенную одежду. Затем прошла к изножью, опустилась в широкое кресло. Сначала поёрзала, словно ей было не по себе, но вскоре устроилась поудобнее — и тело её расслабилось.

На ней не было ни мантии, ни каких-либо других одежд, будто бы взятых из эпохи средневековья. Чёрная футболка, тёмные джинсы, кроссовки — простая, современная одежда.

В какой-то степени Аделину это успокаивало, притупляя ощущение своей непригодности к новому миру.

— Я принесла тебе одежду... привычную, — вполголоса проговорила Лика, точно боясь спугнуть дикого зверька, затаившегося в высокой траве. — Многие из нас предпочитают одеваться в стиле былых эпох — ну знаешь, тех времён, когда на земле воздвигали знамёна королей, а благородные рыцари скрещивали мечи в сражениях.

Аделина глянула на Лику, пытаясь осознать, что перед ней теперь не просто подруга, с которой прежде можно было поделиться горестями или разделить радость. Острый мимолётный укол одиночества остро отозвался в груди.

Аделина едва сдержалась, чтобы не прижать ладонь к сердцу — словно этот жест мог унять отчаяние, поглотившее её. Она кивнула с благодарностью и, не стесняясь присутствия Лики, начала переодеваться.

Ей ужасно надоели белые сорочки до пола с узкой каймой у ворота. Каждый вечер Мира приносила свежие, зная, что купается Аделина по ночам.

— Мне нравятся сейчас наряды на земле, — задумчиво произнесла Лика, наблюдая, как Аделина натягивает тесные джинсы. — Особенно туфли на высоком каблуке и платья с минимумом ткани — такие, что почти ничего не скрывают.

— Да, то платье с разрезом на тебе сидело невероятно, — Аделина тут же прикусила язык, мысленно напоминая себе, что Лика ей больше не подруга... Теперь всё сложнее.

— А я его всё-таки прихватила с собой, — усмехнулась она. — Буду в нём искушать ангелов — пусть трепещут.

Аделина позволила себе усталую, чуть горькую улыбку. Она надела уютную кофту, сунула ноги в кеды, присела на одно колено, завязывая шнурок, затем повторила то же самое с другой ногой.

Поднявшись, она посмотрела на Лику, устроившуюся в кресле. Её руки покоились на подлокотниках, нога закинута на ногу. В серо-голубых глазах Лики Аделина видела отражение своей подруги, хоть и разумом понимала, что это больше не она. Они лишь *присматривали* за ней...

— Ты можешь спрашивать, — мягко заверила Лика, смотря девушке в глаза. — Я постараюсь ответить на вопросы, но основную часть тебе расскажет Дмитрий. Ты уже его видела, когда пыталась убежать. Он у нас, можно сказать... главный.

Аделина нервно сглотнула, забралась с ногами на кровать, не обращая внимания на обувь. Села в изножье, приняв позу «лягушки». Пальцами она обвила кованые металлические прутья, словно сидела за невысоким забором.

— Крылья. Где они?

По лицу Лики скользнуло искреннее удивление, словно первый вопрос должен быть другим, а к этому она подготовиться не успела. Однако беззаботно хмыкнув, она поднялась, а Аделина слегка отклонилась назад, крепче вцепившись руками в изножье кровати.

— Ты точно готова их увидеть? — Лика спросила серьёзным, но мягким голосом, будто сомневаясь, не поддастся ли Аделина панике.

Аделина твёрдо кивнула, хотя внутри всё сжалось от волнения. Лика не торопилась, завела руку за шею, собирая тёмные волосы на одну сторону. Развернулась, демонстрируя прореху во всю ширину футболки.

Аделина заметила про себя, что дырка имеет идеальную форму окружности: кто-то явно над этим потрудился.

— Пришлось её немного подлатать, иначе вещи рвутся, когда вылезают эти штуки, — с лёгкой усмешкой пояснила Лика.

Лица снова развернулась, ободряюще улыбнувшись. А затем за её спиной буквально выросли крылья. Они раскинулись в стороны, делая комнату слишком маленькой.

Сердце Аделины затрепетало, а в животе будто запорхали невесомые бабочки. Прежнего ужаса она больше не испытывала: на смену ему пришёл благоговейный восторг.

Цвета воронова крыла, перья переливались от глубокого чёрного до тёмно-синего с металлическим отливом. Кончики перьев вздрагивали в такт каждому вдоху и выдоху Лики.

До последнего не в силах поверить в происходящее, Аделина смотрела с приоткрытым ртом на существо, о котором пишут книги и снимают фильмы.

Но одно дело погружаться в фантазии, созданные человеческим воображением, и совсем другое — столкнуться с реальностью лицом к лицу. Осознавать, что демоны и ангелы существуют на самом деле: живут на небесах, а иногда даже спускаются на землю, вступают в контакт с людьми, скрывая свою истинную суть.

— Хочешь потрогать? — как ни в чём не бывало спросила Лица, слегка приподняв одно крыло, будто предлагая.

— Не в этот раз... — шёпотом ответила Аделина, не отрывая зачарованного взгляда от переливающегося оперения.

Девушке подумалось, что такой демонстрации на первый раз вполне достаточно. Да и почему-то прикоснуться к крыльям ей казалось богохульством.

Увиденное должно сперва уложиться в голове, к этому нужно привыкнуть, дать место в своей картине мира. А пока всё происходящее оставалось где-то между сном и явью, на тонкой грани реальности, которую она ещё не готова принять полностью.

Лица наконец сложила крылья за спиной, и только тогда Аделина смогла заполнить лёгкие воздухом. Но они всё ещё возвышались за плечами Лики, словно два холма.

А затем крылья исчезли так же внезапно, как и появились — будто растворились в воздухе.

— Что же, есть ещё вопросы? — Лица вновь устроилась в кресле, расслабилась, но в глазах промелькнуло опасение. Возможно, она боялась, что Аделина начнёт её сторониться, словно прокажённой.

Однако Аделина и не думала об этом. Напротив, внутри проснулся какой-то нездоровый интерес, словно она лишь приоткрыла завесу тайны. И теперь ей хотелось узнать, как можно больше, окунуться с головой, возможно, даже стать частью этого мира.

— Как тебя зовут? — понемногу приходя в себя, осведомилась Аделина.

— Эликсия.

— Мне теперь так называть тебя?

— Ну, — с наигранной задумчивостью протянула Эликсия, — меня и Лица устраивает. Я даже как-то прикипела к этому имени.

— А Эмин?

— Эмин он и есть Эмин, — фыркнула Лица, небрежно отмахнувшись рукой.

— Что с Эриком? — Аделина наконец осмелилась задать вопрос, который её мучил.

На лицо Эликсии упала тень — миг она помрачнела, опустила взгляд к ногам, некоторое время размышляя о своём. Аделина почувствовала, что с Эриком случилось неладное. Ещё на земле он перестал появляться в компании Лики и Эмина. Они отмахивались: мол, Эрик ненадолго уехал из города. Теперь Аделина знала, что это не так.

— Его убили, — едва слышно обронила Лица. — Он попал в плен к Зверю, выполняя задание Дмитрия. Должен был быть обмен пленными, но... — Она прочистила горло, каждое слово давалось ей с трудом. — Всё пошло не по плану, если такой вообще был. Если хочешь знать подробности, то Дмитрий расскажет больше. Нам с Эмином тяжело об этом... говорить.

Аделина кивнула, немного изменила позу, чтобы ноги окончательно не затекли.

— Этот Дмитрий, он ангел?

Черты лица Эликсии неожиданно перекошились, словно ей в рот засунули лимон. Но она быстро надела маску безразличия. Слегка ухмыльнулась и раздосадовано покачала головой. Когда она подняла глаза, Аделина заметила в них смесь противоречивых чувств.

— Когда-то давно был простым ангелом, но сейчас он серафим.

— Высший ангел? — Аделина лишь предположила, так как в ангельской иерархии ей прежде разбираться не приходилось. — Что-то вроде карьерной лестницы, только на небесах?

Не сдержавшись, Лика издала смешок, совсем по-человечески, точно так же, как когда-то они с Аделиной хихикали над шутками. Она поняла, что сболтнула глупость, поэтому улыбка на её лице вышла рассеянной, а смущённый переместился в сторону.

— Нет, всё нормально, Ади, — Лика продолжала улыбаться, но поспешила объяснить девушке что к чему. — На небесах нет карьерных лестниц. Не бывает ни повышений, ни понижений. Всё зависит от силы. Всё зависит от силы — именно она определяет суть ангелов и демонов.

— Значит, Дмитрий обладает большой силой?

— О да, он могущественен. Но не он один. Есть и другие серафимы, херувимы, престолы и так далее. И, кстати, чтобы ты знала, все крылатые создания называют себя Высшими.

— А что с демонами? Ты ведь рассказала только про ангелов. У вас же тоже есть иерархия?

— Конечно. Но у нас всё проще. Во-первых, забудь о сатане или дьяволе. У нас есть два бога, они не светлые и не тёмные. Они — боги. Во-вторых, в нашем мире всё иначе, нежели пишут в ваших книгах.

— Но... как же тогда... — запнулась Аделина, подбирая верные слова. — Сказки о добре и зле, о существовании рая и ада... Ну и так далее.

— Говорю же, всё иначе, но рай и ад действительно существуют. Однако они созданы для смертных. Наши души после смерти отправляются в Эфир или Чистилище. — Эликсия глубоко вздохнула. — Я всё понимаю: твоя жизнь так резко перевернулась, у тебя целый шквал вопросов, ты стремишься разобраться во всём здесь и сейчас. Но порой на некоторые вопросы может ответить только время. Не мучай себя, не изводи. После разговора с Дмитрием многое изменится в твоём восприятии. Ты поймёшь, почему мы присматривали за тобой, какая опасность тебе грозит и что делать дальше.

Лика вдруг стремительно поднялась, запустила пальцы в волосы и провела рукой вдоль пряди.

— Ади, не забывай, что мы... подруги, — тихо произнесла она. — Знаю, что ты опасешься меня, считаешь предательницей и лгуньей, но я общалась с тобой не только по указанию Дмитрия. Мне действительно нравилось проводить вместе время. Впервые за долгие годы я почувствовала себя кому-то нужной. Я и сейчас нуждаюсь в тебе.

Аделина сглотнула комок, застрявший в горле. Эликсия права: нужно дать себе время. Принять то, что уже происходит, порой смирение выглядит как поражение — но так ли оно на самом деле?

— Пойдём. Дмитрий давно тебя ждёт.

Глава 7. Ребёнок былой эпохи

В каменных стенах помещения стояла мёртвая тишина. Однако повисшие в воздухе тяжесть утраты, немое порицание и недоговорённость эхом отдавались от холодных вековых стен — громче любых клятв и воплей.

Дмитрий ясно ощущал на себе взгляд мальчишки, но стоило поднять голову от древнего фолианта, как Эмин уводил глаза в сторону. Ангел чувствовал жгучую обиду и удушающую боль демона. Дмитрий и сам испытывал уныние.

Он отвечал за каждого члена Ордена, лично отбирал ангелов и демонов — достойных и самоотверженных, готовых противостоять Зверю и сражаться за богов. Смерть любого воина Дмитрий расценивал как удар, нанесённый лично по нему.

Когда громоздкая дверь с глухим звуком отворилась, Эмин тотчас подскочил на ноги, а Шарм с интересом уставился на вход. Первой в зал для общих собраний впорхнула Эликсия — она двигалась, как всегда, с лёгкой, непринуждённой изящностью.

Дмитрий принял девушку в Орден Высших благодаря её самодостаточности и целеустремлённости. Она легка на подъём, способна постоять за себя: в её образе и движениях чувствуется игривая уверенность. Также Эликсия обладает подавляющей силой, что является большой редкостью среди остальных даров.

Дмитрий затаил дыхание в ожидании новой гостьи. Аделина кротко ступила в помещение, осматривая присутствующих взглядом поразительно голубых глаз — словно морозное голубое небо, — в которых смешались самые разные эмоции: переживание, страх, неизвестность, робкий интерес.

На вид хрупка и тиха, но внутренний стержень прочен, точно горный хрусталь. Её нежное лицо обрамляют длинные густые волосы цвета тёмного шоколада, что контрастируют с цветом глаз девушки.

Бесспорно, Дмитрий счёл её красивой, и дело даже не в том, что когда-то давно богиня Ахава вдохнула частичку своей божественной силы в ребёнка. Аделина родилась в эпоху Раннего Средневековья на земле. Она — ребёнок другого времени.

Заметив, что Эмин собирается сделать шаг навстречу Аделине, Дмитрий глянул на демона, который тут же почувствовал немое предостережение.

— Ты в порядке? — с серьёзностью уточнил Эмин у девушки, всматриваясь в её лицо.

Аделина робко кивнула, но почти сразу отвела взгляд, который остановился на Дмитрие. Высший ангел *видел*, что между демоном и девушкой существует близкая связь. Энергия Эмина буквально нависла над ней, что вызывало у Дмитрия неприятное чувство.

Хотя он и раньше догадывался о их физическом контакте: демона выдавали мелочи на докладах про миссию на земле — искры в глазах, когда он говорил о ней, резкость движений. Теперь Дмитрий понял, что Эликсия подавляла некоторые чувства друга, а сам он тогда не намеревался глубже прощупывать ситуацию.

— Здравствуй, Аделина, — заговорил Дмитрий с тихим спокойствием. — Прошу, присаживайся.

Ангел не указал на конкретное место. Перед его внушительным столом в два ряда располагались скамьи, обитые шерстяными тканями для большей мягкости и удобства: порой собрания затягивались, неусидчивые ангелы и демоны начинали ёрзать на местах, теряя необходимое внимание.

А по левую его сторону стояли две софы, обтянутые кожей, — на одной из них заняли места Эликсия и Эмин, Шарм обустроился на второй. Аделина же неуверенно опустилась на скамью прямо перед Дмитрием. Выпрямив спину, она ладони положила на колени. Взгляд перемещался от Дмитрия к полу под её ногами и обратно.

— Нет нужды так беспокоиться, — Дмитрий желал, чтобы девушка хоть немного почувствовала себя в безопасности, однако потребуется время — каждый это осознавал. — Эликсия рассказала тебе, кто мы?

Аделина кротко кивнула, словно позабыла все слова. Дмитрий внимательно на неё посмотрел: он ожидал всё-таки ответа из её уст. Она должна научиться произносить слова без страха или неверия — тогда и будет достигнуто внутреннее согласие, принятие.

— Вы... ангел, серафим, — Аделина боролась с желанием выбежать и спрыгнуть с обрыва; быть может, тогда она проснётся? — Эликсия и Эмин — демоны. — То ли страх, то ли что-то ещё плотнее сжимало горло незримыми лапами. — Они присматривали за мной на... земле по вашему поручению, но я не понимаю...

— Для этого ты здесь. Чтобы во всём разобраться. — Дмитрий говорил ласково, голосом, напоминающим тягучий мёд. — Мой рассказ, вероятно, покажется тебе невыносимым, но всё, что я скажу, — истинная правда.

— Могу я задать один вопрос?

Дмитрий отодвинул потёртый временем фолиант в сторону, сложил руки на столе, словно говоря одними глазами, что он готов выслушать. Он не мог не признать, что девушка подкупает его своей решимостью. Аделина же чувствовала, что в глубине души натянулись нити страха, которые необходимо оборвать.

— Что с моей мамой?

— Мне жаль, но её забрал Зверь. Мы не знаем, жива она или нет.

— Чтобы понять, кто такой Зверь, мне необходимо выслушать вашу правду, — Аделина сглотнула подкативший к горлу ком. Весть о том, что матери уже может не быть в живых, породила внутри шквал противоречий. Там кружились и боль потери, и ненависть к тому, кто мог так поступить и с ней, и с мамой. Отчаяние смешалось со злостью, зарождая непреклонность.

Дмитрий встретился с девушкой взглядом. В её бездонных глазах отразилась уверенность. Ангел вновь осмотрел её красивое лицо: нежные черты стали твёрже, острее — словно лезвие, готовое к бою.

— Когда-то давно, десять веков назад, богиня Ахава родила сына — первого и единственного ребёнка богов из плоти и крови, — голос Дмитрия увлекал Аделину за собой. — Ахава любила своё дитя, потому не замечала, что в сыне затаилась сама тьма. Он был жесток и кровожаден. Прознав об этом, боги Ксантей и Рэйт, убеждали сестру избавиться от ребёнка, тогда Ахава скрылась от богов и пряталась вместе с сыном где придётся. Но где бы они ни затаивались, везде проливалась кровь невинных. Мальчик не ведал жалости, в нём не было ни капли сострадания. И наконец, когда боги нашли их, то попытались избавить мир от зла, но ярость ребёнка оказалась настолько сильной, что сил божественных не хватило, чтобы убить тёмное существо. Зато шрам, точно клеймо, тонким очерком разрезает его грудь, напоминая всем о его чёрной сути. Тогда боги решили, что мальчишку нужно заточить туда, где всё соответствует его естеству — в мир вечной темноты.

Словно разряды тока, по всему телу Аделины проступили холодные мурашки. Она вспомнила недавний сон, где во мраке, обвитая лентами невероятного свечения, скопилась тьма, боясь подступить, — и силуэт, бесцельно бродящий вокруг.

— Однако Ахава не могла стерпеть заточение сына — уж велика любовь матери к своему ребёнку, в этом богиню не обвинить. Она спустилась на землю, к людям, избрала новорождённую девочку и нарекла её «Звездой света». Настанет время, пророчила богиня, ребёнок прольёт свет, укажет дорогу из тьмы. Дабы её слова свершились, девочку она своей силой одарила. Никто не знает, кому Ахава доверила дитя, но кем бы он ни был, он мог войти во тьму. Так он и сделал, девочку оставил там. Под защитой Ахавы не могли её коснуться ни сын богини, ни тьма. А когда пришло время ребёнку пробудиться, некто безликий вынес девочку и отдал

смертной женщине. Стоило ребёнку открыть глаза, как тьму разрезал свет, указывая Зверю дорогу в наш мир.

Весь рассказ чудился Аделине вымышленной легендой. Она постаралась незаметно для остальных протереть взмокшие ладони о ткань штанов, как вдруг почувствовала, что руки её дрожат. Девушка прикусила нижнюю губу до боли и крови. Мало ей было богов, ангелов и демонов — ко всему в придачу какой-то Зверь добавился.

И что же он из себя представляет? Чудовище какое только можно вообразить? И оно забрало её мать?

— Та самая девочка... Это ты, Аделина. Ты — избранная Ахавой, звезда, что указала путь Зверю, — Дмитрий поджал губы, бросив косо́й взгляд на софы. — И теперь он ищет тебя.

— Зачем? — шёпот сорвался с губ Аделины; она ещё сильнее закусила губу, чтобы болью отогнать от себя агонию другой природы.

— Его влечёт в тебе энергия матери, Ахавы. Полагаю, Зверь желает забрать её у тебя или воспользоваться как-то иначе, — Дмитрий устало вздохнул. — Мы и сами пытаемся понять его намерения, помимо того, что он возжелал убить богов.

Превозмогая порывистое желание уткнуться лицом в мокрые ладони и скрутиться в клубок прямо на месте, Аделина часто задышала. Прежде она не испытывала всепоглощающей паники, которая вызывала дрожь костей, но сейчас... Похоже, она теряла не только связь с миром, но и с собой. Её реальность окончательно разбилась, рассыпалась на тысячи тускнеющих осколков, словно прежняя жизнь становилась всё призрачнее, грозя вовсе исчезнуть даже из воспоминаний.

— И как же он сможет забрать силу, которая *во мне*? — Аделина почувствовала скопившуюся влагу в ложбинке меж грудей.

— Обычно, чтобы получить содержимое сосуда, его нужно вскрыть, — подал голос парень, одиноко расположившийся на софе. Его вид выражал вселенское спокойствие и даже скуку.

Аделина повернулась к нему, ощутив прилив скорее злости, чем страха. Вальяжно раскинув руки на невысокой спинке, он перекинул ногу на ногу. Девушка поняла, что из всех присутствующих он не только знает о своём превосходстве, но и открыто его демонстрирует.

— Шарм, чёрт возьми! — процедил сквозь зубы Эмин, сверкнув тёмными глазами на парня.

— Что? — словно удивляясь, Шарм невинно захлопал ресницами и провёл рукой по каштановым коротким кудряшкам. — Я всего лишь ответил на вопрос избранной.

— Её зовут Аделина! — вмешалась Эликсия, и голос её твёрдый и прочный, словно сталь, отразился от каменных стен.

— Достаточно! — Дмитрий поднялся из-за стола, ткань шелковой мантии заструилась за ангелом, будто трепещ под тяжестью своего обладателя. Он остановился сбоку, решая не подходить ближе к девушке. — Эликсия, проводи Аделину на свежий воздух, развейтесь. Пока нам всё ещё доступна подобная роскошь. Встретимся за ужином.

Эликсии не требовалось повторять тех или иных просьб: как всегда исполнительная, демон оставила своё место и уже вела девушку к выходу. Эмин собирался отправиться следом, но Дмитрий перегородил ему путь. Ангел посмотрел на него строго, не допуская даже мыслей о возражении.

Эмин всё же осведомился, разбавив голос нотками сарказма:

— А я не могу насладиться свежим воздухом?

— Нет.

Дмитрий обошёл демона и вернулся за стол. Эмин не мог послушаться серафима, поэтому поплёлся к софе, поймав на себе довольную ухмылку Шарма.

Глава 8. Нимфа смерти

Свинцово-серые волны вздымались вверх высокими острыми пиками, словно стараясь дотянуться до мрачного, почти углистого неба. Шквалы ветра обрушивали на Ария солёные брызги, точно слёзы всех тех, кто почил в его чёрных водах. Стихии — небо и вода — ревели яростнее самого дикого зверя.

Над бушующей водой бесформенными клочьями содрогались туманные дымки, точно живые организмы. Небо гремело, ломаные молнии разрезали тучи, периодически высвечивая воды вдалеке, которым, казалось, нет границы.

Вдоль линии берега, громоздясь друг на друга, словно ступени, выстроились морские скалы, возвышаясь над морем. Водные валы с остервенением вгрызались в их подножия, терзали прочный камень, забираясь выше, но неумолимо отступали, без усталости повторяя попытки.

Тёмные, почти чёрные пряди Ария трепетали на ветру, но он будто и не замечал царящей вокруг атмосферы вечного страха и безысходности, что впитывал в себя долгое время зыбучий песок под ногами. Скинув сапоги, он лениво закатал штанины. Босые ступни оставляли следы вдоль берега, пока Арий прогуливался взад-вперёд, размышляя о своём. Ему не было дела до хаоса пучины, всё равно и к удушающей, пропитанной кровью несчастных энергетике вод, что так и норовила забраться под кожу, отравить разум.

В один шаг Арий оказался в воде по щиколотку, второй — по голени. Ледяной холод пронзил кожу, впился в ноги словно иголки, однако совсем немного море стихло, точно прислушиваясь. Волны ослабли, с ленивым любопытством набегая на берег. Теперь Арий знал, что его слушают. С кривой ухмылкой он взгляделся в чёрные воды перед собой.

— Море волнуется раз, — голос Ария, тихий и рокочущий, слегка мечтательный и смешливый, пустил по поверхности зыбь, точно живое море покрывалось мурашками. — Море волнуется два. — Вода откликнулась, почти бурля. — Море волнуется три... Покажись же, нимфа смерти!

— Полубо-о-о-ог...

Раскатистый голосок, нежный, озорной, вездесущий, эхом отскакивал от волн, резонируя одновременно отовсюду. А затем прозвучал смех, невинный, похожий на девичий, ласкающий слух, проникновенный. Он окутывал и успокаивал, словно прикосновение близкого и родного, принося ощущение защищённости, забирая и унося с собой тяжёлое бремя. Безмятежность опускала на плечи, словно мягкий и тёплый плед.

Арий тряхнул головой, избавляясь от наваждения.

— Покажись, нимфа, — порыв ветра всколыхнул ткань алой мантии за спиной Ария.

— Полубо-о-о-ог, пришёл убить меня? — шептал голос со всех сторон. — Я или кто-то из моих нимфочек полакомился близким твоим?

— Мне нет дела, кого вы рвёте на куски, — холодно и без лукавства ответил Арий. — На дне вашей обители находится то, что нужно мне. И ты или твои плотоядные подружки достанете для меня эту вещицу в обмен на души.

Море вновь встрепенулось, а из глубины вырисовывался тонкий женский силуэт. Нимфа подплыла ближе, но держалась на расстоянии, вынырнув из воды наполовину. Арий прежде не видел подобных созданий, поэтому присмотрелся внимательнее.

Обнажённое хрупкое тело — не ребёнка и не взрослого. Бледная, почти белая кожа, покрытая каплями. Большие жёлтые глаза с ромбовидными зрачками. Длинные светлые волосы мокрыми прядями разбросаны по нагому телу и уходят кончиками в тёмную воду — туда, где, вероятно, скрывается и русалочий хвост создания.

— Сделку хочешь, Полубог? — прошептала нимфа громким чарующим шёпотом. — Триста... триста душ...

— Вам и ста хватит, — Арий было опешил, но лицо его оставалось сосредоточенным.

— То, что сокрыто под нашими водами, стоит куда дороже, — продолжала шептать нимфа, изящно покачиваясь на волнах. Её взгляд скользнул куда-то за спину Ария с задорной задумчивостью, а после она расплылась в улыбке, обнажая ровные ряды заострённых зубов, словно наконечники стрел. — Двести... душ...

— Сто.

Нимфа ошетилилась всем телом и взглянула на Ария с вызовом. Её глаза вспыхнули жёлтым огнём, а чёрные зрачки, будто в них затаилась сама смерть, округлились.

— Торгуешься, Полубог?

Арий слегка склонил голову набок, смотря на нимфу неотступным взглядом голубого и тёмно-карего глаз.

— Как часто кто-то забредает в ваши гибельные края? Редкие безумцы и отважные глупцы, желающие вернуться домой с трофеем — хвостом русалки. Сотня — это для вас истинное пиршество.

— Хорошо, Полубог, — прошипела нимфа, с большой неохотой признавая поражение. Маленькие тонкие руки она скрестила на теле, подперев небольшие треугольные груди. Её нагота не смущала ни Ария, ни саму нимфу. — Само море созерцает нашу договорённость. Приведи к нам сто душ, и я достану со дна то, что ты так желаешь заполучить.

В следующую секунду морская тварь игриво улыбнулась и, рассмеявшись по-детски звонко и заливисто, изящно вынырнула из воды и устремилась прочь от Ария. Гибкое тело, словно лишённое костей, изогнулось полумесяцем, увлекая за собой длинный хвост, покрытый серебряной переливающейся чешуёй, и плавно погрузилась в глубины моря.

Арий вернулся на берег, схватил сапоги за голенища и приблизился к отвесной скале. Расправил крылья, одновременно оттолкнулся от земли и сделал взмах. Набирая высоту, он развернулся в воздухе. Стихии вновь разбушевались: слышались отдалённые раскаты грома, небо над морем прорезала ветвистая молния. Ему казалось, что и без того вечно Непокойное море превратилось в живое существо: исступлённо раскачивая воды, оно бушевало, словно в безумном предвкушении скорой крови.

Арий ступил на скалистый выступ. Расправил штанины, обтёр о них ноги, избавляясь от песчинок, затем обулся. Порывистым шагом направился прочь, размышляя о сегодняшней ночи. Легче будет проникнуть в сонное сознание девчонки, но отчего-то в сердце роилось беспокойство, волнение... Несвойственные ему переживания. Как странно чувствовать подобное...

Наум нагнал Ария и поравнялся с ним, подстраиваясь под шаг. За спинами шествовали ещё несколько молчаливых ангелов и демонов, прячущих лица под глубокими капюшонами. Серафим какое-то время молчал, но всё же поинтересовался первым:

— Сколько?

— Сотня.

— Я займусь, — ангел вздохнул; полы его запахнутой спереди мантии путались в ногах. — Тебя расстраивает что-то ещё, не так ли?

— Я скорее гневаюсь, нежели печалюсь, — отчеканил Арий. — Удалось выяснить, где её скрывает Орден?

— Едва ли, — Наум почувствовал, как напряглись мышцы на лице Ария. — Позволь полюбопытствовать, почему девушка так важна для тебя? Те частицы сил Ахавы из неё не вычерпать, не убив смертную. Да и сторону вряд ли она нашу займёт — Орден над этим пострадает. Либо же её заберут боги...

— В этой смертной течёт энергия *моей* матери! Девчонка провела *со мной* во тьме тысячу лет! С *её* участием я не сгнил в заточении! Она принадлежит *мне*, а не Ордену или богам!

Он вдруг осознал, что остановился и, глядя на Наума сверху вниз, произносил каждое слово с исступлённой убеждённостью.

Арий отшатнулся, делая шаг в сторону, пытался разобраться, почему его вновь давили чуждые ощущения, застилающие взор. И теперь девчонка нужна ему пуше прежнего, дабы постичь всё происходящее внутри него.

Глава 9. Ночной гость

Помещение для водных процедур — как и всё в этом древнем сооружении — не могло не впечатлять своей отдалённостью от современности, к которой привыкла Аделина.

Впервые девушка отправилась искупаться не поздней ночью, а вечером. Она заняла чан с горячей водой подле стены. Изредка поглядывала на круглый резервуар в центре помещения. В воздухе стоял пар и ощущались запахи масел и трав.

Другие девушки, не стесняясь, помогали омыться друг другу: они оставляли одежду в раздевалках и перемещались по комплексу, не стыдясь наготы. Но Аделина к подобным откровениям была не так раскрепощена: её грубо выдернули из одного мира, затолкнув в иной — чужой, пусть и влекущий своими тайнами.

Девушка поторопилась выйти из воды, обтёрлась подготовленным полотенцем. Взяла одежду, сложенную в нише, наспех натянула штаны и кофту через голову. Прошла между стенами из плитки и мраморными колоннами, поддерживающих конструкцию. Наконец вышла в коридор, на ходу собирая влагу с волос полотенцем. Прибавила шаг, оказавшись в нужном коридоре, шмыгнула в свою комнату и закрыла дверь, словно отрезая себя от новой реальности.

Аделина тяжело задышала, сжимая руками дверную ручку через ткань полотенца, подперев лбом дверь. Крепко зажмурилась, вспоминая сегодняшнюю прогулку.

Она, точно диковинный зверёк, привлекала к себе внимание. И ещё никак из головы не шли слова Эликсии о Звере:

«— Он хочет убить богов. Только представь, что тогда произойдёт? Мир не может существовать без божественной сущности. Придёт конец всему живому, если он до них доберётся.»

— Тяжёлый день?

Резко вобрав в лёгкие воздух, Аделина развернулась. Несколько взметнувшихся мокрых прядей хлестнули её по щеке.

В кресле, где до этого сидела Лика, устроился Эмин. На его лицо опускалась тень полумрака, царящего в комнате. Девушка медленно выдохнула через приоткрытые губы, борясь с дрожью в теле.

Нет, демон не пугал Аделину — просто сам момент застал её врасплох.

— Ты не можешь приходить в мою комнату, когда тебе вздумается, — вполголоса ответила девушка.

— Не могу, знаю, — Эмин взглянул в неё тёмными глазами, словно желал испить её душу. — Что изменилось... То есть, между нами?

Аделина отошла от двери, обогнула кровать и убрала полотенце в тумбочку. Взглянула на старый канделябр с тремя свечами, но не могла припомнить, куда убрала спички. А может, она и вовсе не думала об этом.

Какой толк от свечей, если они не могут осветить её будущее?

Она устала размышлять о том, что вся её жизнь катится в бездну, а противоречия разрывают на части. Прошла минута оторопи и пустого взгляда на свечи — и фитили их вспыхнули огнём. Пламя отразилось в голубых глазах, она сморгнула и повернулась к Эмину.

— Это ты сделал? — Эмин осторожно кивнул, а Аделина закусил губу. — Вот что изменилось. Ты не человек...

— Я и на земле им не был, — Эмин перевёл взгляд в сторону, — но мы... Это не помешало нам... сблизиться.

Аделина видела, как плечи Эмина опустились, словно на них осела тяжесть собственных слов. Ей стало горько, и сердце тихонько заныло в груди.

Воспоминания их близости буквально прогрызали себе путь в сознание: сплетённые тела, влажные и горячие от желания; страстные поцелуи в ночи; стоны, срывавшиеся с опухших губ; нежные ласки и тихие слова. Не какие-то обещания или признания — а слова, тёплые и понятные.

— Слишком многое произошло, — произнесла девушка, не позволяя отвести глаз от красивого лица демона. — Моя прежняя жизнь... Её словно стёрли. Знаешь, я всё думала: может, я действительно умерла, когда вылетела в окно? Ведь так было бы проще. Я чувствую себя и живой, и мёртвой одновременно. Но я правда стараюсь справляться — не поддаваться страху, не лить слёз о прошлом, которое теперь кажется давним сном.

— Тебе нужно время.

— Все только и делают, что твердят мне о времени, — вздохнула Аделина, — но никто не может сказать, сколько его потребуется, чтобы я вновь стала... *собой*.

Недолго демон продолжал всматриваться в глаза Аделины, а после распрямил плечи, упёрся ладонями о колени и с лёгкостью оттолкнулся от места. Подошёл к ней, опустил подбородок, когда она, наоборот, вздёрнула свой. Их лица оказались совсем рядом, но не так, чтобы могли коснуться друг друга.

Девушка задержала дыхание: внутри собиралось тепло, но она отторгала его. Наверное, это отразилось и в её глазах.

Эмин невесомо коснулся её подбородка, погладив ямочку подушечкой большого пальца.

— Я буду рядом и помогу во всём разобраться, просто не отталкивай меня сразу.

Эмин отступил от Аделины, ещё несколько секунд смотрел ей в глаза, затем ушёл, оставив девушку в одиночестве.

Задёрнув занавес, она обняла себя за плечи. Повернулась к кровати, уставившись на сложенную белую сорочку. На её профиле танцевали тени пламени. Злость поднималась изнутри, словно лава по жерлу вулкана, и Аделина позволила ей выйти. Почему-то весь её запал обрушился на ни в чём не повинную одежду. Запрыгнув коленями на постель, она вцепилась в сорочку и без труда оторвала кусок с нижней части — за ним полетел ещё один, и ещё.

Аделина переделалась и посмотрела в напольное высокое зеркало. От подола сорочки остались свисающие лоскутки ткани, едва прикрывающие округлые бёдра.

Тяжело дыша — не от упорных трудов, а скорее из-за выпущенных эмоций, — Аделина забралась в кровать и скрутилась в комочек. Легче ей вряд ли стало, однако на душе чуть отлегло.

Закрыв глаза, она ещё долго не могла заснуть, мучаясь от воспалённых мыслей, теснившихся в сознании.

Грубый толчок вырвал Аделину из безмятежного спокойствия. В комнате по-прежнему горели свечи, огонь которых, казалось, даже не коснулся — он лишь поплясывал на кончиках фитилей.

Лихорадочно соображая, что могло так встревожить посреди ночи, девушка села в постели, прижав руками колени к груди. Она не знала, как объяснить подобное, но в её сознание будто кто-то проник — даже ворвался, широко распахнув двери.

Аделина обратила взор к креслу и обомлела. Из горла рвался вопль ужаса, но она крепко зажала рот обеими руками. В голове промелькнула мысль, что от кресла нужно избавиться: а то в последнее время сидят все, кому вздумается!

Холодный вязкий страх прилипал к девичьей коже, обволакивая и твердея на теле, лишая возможности двигаться. Сердце камнем свалилось в желудок, чтобы затем подпрыгнуть на место и отчаянно забиться в груди.

Аделина, не моргая, смотрела в глаза незнакомца — словно два разных камня: небесный лазурит и глубокий обсидиан. Его образ, искусно высеченный, точно из камня, напоминал

божественную скульптуру. И девушка могла бы поклясться, что это она и есть, если бы не живой огонь в глазах, что безотрывно следили за ней.

Собирая со дна души рухнувшие силу и волю, Аделина смогла осмотреть комнату беглым взглядом. Что-то в происходящем заставляло её сомневаться.

Дверь... Её словно никогда и не было в стене, так же, как и окна с занавеской. Комната превратилась в замкнутый короб с искажённым пространством и дрожащей дымкой, скопившейся в углах.

«Это всё сон», — подумала девушка, посмотрев на несгорающие свечи. Но постороннее присутствие незнакомца со сверкающим взглядом делало сновидение реальнее.

— Кто ты и почему пришёл ко мне? — трепетным шёпотом спросила Аделина, плотнее прижав ноги к груди.

Силуэт мужчины склонил голову набок, точно прислушиваясь, — девушке жест показался механическим, лишённым жизни. Она всё всматривалась в его тонкие черты лица: высокие скулы, заострённый прямой нос, узкие губы, гладкий подбородок с ямочкой. Во внешности сочетались молодость и первозданность, перед которыми невольно хотелось преклонить колени.

— Это же сон? — чуть громче осведомилась Аделина и, только дождавшись едва заметного кивка, задала следующий вопрос: — Ты сможешь навредить мне во сне?

Медленно, как-то заторможено, мужчина качнул головой — сначала в одну сторону, затем в другую.

Мгновенно осмелев и даже удивившись этому, Аделина скинула одеяло, совершенно забыв, что усовершенствовала сорочку. Взгляд незнакомца жадно вылавливал каждое движение девушки.

На коленях она приблизилась к изножью, опустилась на пятки, вновь прячась за невысоким ограждением, которое едва превышало уровень пупка, — словно оно могло стать для кого-то серьёзным препятствием. Ухватила руками за верхний металлический прут и внимательно посмотрела в глаза разного цвета.

— Ответь же, кто ты?

— В этих стенах все зовут меня Зверем.

Бархатистый и вкрадчивый голос смог смягчить даже настолько громкое признание. Аделина вмиг обмякла: её пальцы разомкнулись, а руки соскользнули на кровать перед ней. Плечи осунулись, голова склонилась набок, а слова потеряли весь смысл.

Так они просидели, как ей казалось, долгое время — никто не смел отвести взгляда. Что скрывалось в этом безмолвии? Почему прежний страх отступил так же внезапно, как и появился?

В её сон пришёл сам Зверь, что на протяжении многих лет наблюдал за ней, скитался подле. Иногда из уст его доносился шёпот... Неужели новорождённый ребёнок под покровом сна, может помнить о подобном? И почему тот, кто хочет забрать её и сделать невыносимо что, не вызывает трепетного ужаса, а, напротив, умиротворяет своим присутствием?

— Какое имя дала тебе смертная женщина?

— Аделина, — безропотно обронила девушка, но в какой-то момент тряхнула головой и подалась вперёд с широко распахнутыми глазами. — Она же у тебя! Правда? Эта женщина — моя мать...

— Твоя кровная мать давно мертва, — ровным тоном заверил мужчина.

— Я говорю о... смертной, что воспитала меня! — Аделина разволновалась, сердце её щемило. — Прощу, скажи хотя бы что с ней?

Трудно было определить, что происходит в глубинах его глаз, что скрывается за голубизной неба и темной бездной. Аделина уже подумала, что он ей ничего не ответит, но тихий голос вновь заполнил пространство:

— Женщина жива снаружи, но мертва внутри. От неё не осталось даже прежней тени. Аделина прикрыла глаза, сдерживая отчаяние, размеренно задышала.

— Зачем ты это сделал? — надломленным голосом спросила девушка.

— Моей причастности в том нет. Я бы так не поступил, ведь мне требовались те знания, что она хранила в сознании.

Аделина резко подняла на него глаза. Её лицо заалело от обиды и злости.

— Какие? — уточнила она, смотря исподлобья.

— О тебе.

— Да что вам всем от меня нужно? — сквозь зубы проскрипела она.

Первый раз за всё время Зверь опустил голову, пряча от девушки свой взгляд. Он заговорил ещё тише, словно их беседа подходила к концу:

— Не доверяй членам Ордена: кто-то из них выскреб из памяти смертной... всё. Они всегда будут честны лишь наполовину, а то и меньше. Слушай и запоминай, что они говорят, — тогда сможешь разобраться со всем сама. И прими уже наконец постигшее тебя бремя. Я чувствую, как ты рвёшь себя на куски, твои метания и уныние. В тебе течёт сила моей матери, так пользуйся даром богини, перестань изводить себя прошлым — его не вернуть.

Их взгляды вновь пересеклись, и у Аделины спёрло дыхание: такие пронзительные глаза были у мужчины, что он и впрямь заглядывал в самые отдалённые части души.

— Как тебя зовут... Твоё настоящее имя? — девушка поторопилась, ощущая, что объятия сна ослабевают.

— Мать нарекла меня Арием.

Арий поднялся на ноги, а Аделина, словно марионетка, потянулась вслед за ним. Приподнялась на коленях, придерживаясь за изножье; волосы её рассыпались по плечам и груди. Она не собиралась просить его задержаться, ответить на вопросы, что тревожили и мешали заснуть. Ей хотелось, но она бы не осмелилась.

Единственное, что она смогла вымолвить:

— Ты снова придёшь в мой сон?

Арий смотрел на неё сверху вниз, будто раздумывая над ответом, который у него уже был. В какой-то момент Аделине показалось, что его рука дёрнулась, желая прикоснуться к её лицу, но мужчина так и не решился. Челюсть его выделилась чётче, а на шее колыхнулось адамово яблоко.

— Я могу вернуть тебе смертную женщину, но прежней она не станет никогда.

— Правда? — изумилась Аделина. — Как ты это сделаешь? Я хочу увидеть её!

— Поразмышляю до следующей встречи и дам знать.

Голос Ария до девушки долетал издалека, комната померкла, и она провалилась в бессознательность.

Вскоре она открыла глаза и приподнялась на локтях. Взглянула на догоревшие свечи: луч дневного света прорезал стену рядом с занавеской. Аделина обратно рухнула в кровать и потянулась, отходя ото сна. Долго лежала, смотря в потолок и вспоминая ночного гостя.

Глава 10. Барахаэль

От каждого шага туманная дорога вздрагивала: подошвы десятка пар сапог мягко погружались в дымку, но гостей, ступивших на Распределительные земли, держала крепко. Путь их проходил через тёмно-синее, точно ночное, но беззвёздное небо, окружавшее со всех сторон. Впрочем, Арию не было никакого дела ни до того, что творилось над его головой, ни под ногами. Его сосредоточенный взгляд устремлён исключительно вперёд — туда, где возвышалась арка, точно вырезанная из когда-то цельного камня. Увенчанный барельефом аттик изображал ангела и души, опустившиеся перед ним на колени.

— Мы подбираемся к богам всё ближе. Битва уже не за горами.

— Да, но Орден всё ещё верит, что есть возможность избежать бойни, — Арий хмыкнул, скривив губы. — Глупый скот до последнего будет защищать своих пастухов.

— Так и есть, — не останавливаясь, Наум сделал жест рукой перед проходом через широкую арку, означавший, что остальным следует остаться на месте.

Туманная дорога сменилась холодным камнем. Под сводом, уходившим вглубь арки, стало темнее, приглушённое эхо шагов отражалось от стен. Арий ступал твёрдым неспешным шагом, в каждом из которых ощущались сила и тяжесть прожитых лет. Может, он молод телом, но душа, познавшая множество тягот, не была столь прекрасна. Невольно Арий задумался, как могла бы сложиться его жизнь, если бы он не был низвергнут богами и если бы Ахава всё ещё находилась рядом, продолжила обучать и направлять сына. Но толку сейчас забивать голову призрачными фантазиями не было.

Арий и Наум преодолели цилиндрический арочный свод, камень под ногами сменился мраморными плитами. Пространство не имело ни стен, ни потолков. Ионические капители колонн, расположенных полукругом, тянулись к ночному небу. На оформленных рельефом постаментах стояли сосуды из алебастра, в центре возвышался подиум, с одной стороны снабжённый лестницей, а с остальных — отвесными стенами. По широкой лестнице, не имеющей перил, к ним спускался мужчина, обёрнутый в белую ткань, ниспадающую с левого плеча.

— Приветствую.

Голос его мягкий и спокойный, поступь — тихая, неторопливая. Опущенные руки покоились перед ним. Светло-голубые, почти обесцвеченные радужки глаз, окаймлённые белоснежными ресницами, выражали радушие, а слабая улыбка выдавала приятную усталость. Восковое лицо обрамляли прямые светло-серые волосы чуть выше плеч.

— Здравствуй, Барахаэль, — Наум поприветствовал херувима. — Мы пришли взглянуть на плоды твоих трудов.

— Разумеется, — он миновал последнюю ступень и подошёл к серафиму и Арию. — Прошу за мной.

Херувим, как истинный хозяин Распределительных земель, шёл немного впереди, ведя гостей за собой. Трое мужчин пересекали зал под открытым небом, словно тот расположился в самом сердце мира.

Барахаэль отворил высокие двери, и они прошли вдоль сада со статуями ангелов и демонов, а также с беседками, скамьями и разнообразием деревьев и цветов. Далее последовал ещё один зал с мозаикой под ногами. Как и повсюду, здесь отсутствовали стены и потолки, а тёмно-синее небо простиралось куполом над головами Высших.

— Расскажи немного о своих прекрасных подопечных, Барахаэль, — непринуждённо попросил Арий, желая скрасить путь беседой.

— Действительно... прекрасных, — херувим беззлобно улыбнулся. — Что же, Арий, на своих веках я помню много славных и кровопролитных сражений Высших. Твоя же битва войдёт в Великую Историю Мироздания. Ведь на твоей стороне не только ангелы и демоны,

но и живые мертвецы. Существа, сотканные из души и плоти, не ведают ни страха, ни боли. Как, впрочем, и других чувств. Однако они не бессмертны.

— Как и всё в этом мире.

Барахаэль глубоко вздохнул, вновь мягко улыбнувшись.

— И то верно, — согласился он. — Они достаточно выносливые и быстрые. Я смешал с плотью песок из пустыни Теней и добавил глины из долины Пустоты. Так они смогут дольше противостоять стали мечей и силе Высших. — Херувим остановился напротив высоких дверей, увенчанных коваными металлическими решётками. — Добро пожаловать.

С тяжёлым, протяжным лязгом, двери разошлись в стороны. Барахаэль жестом предложил гостям пройти вперёд. Арий невозмутимо подошёл к выступу, где земля обрывалась. Выдохнул, поражённый и одновременно восхищённый развернувшимся перед собой зрелищем.

Земляная яма кишела отродьями, созданными из смешанной плоти Высших и смертных. Уродливые, чаще с одним глазом на лбу, они сконфуженно передвигались, сталкиваясь друг с другом. У кого-то Арий смог разглядеть даже рты, правда, искривлённые и расположенные не совсем на тех местах, где положено. Истинные твари, с мощными конечностями и острыми костями вместо ногтей.

— И как боги посмели не заметить в тебе столь потрясающий талант, Барахаэль, — только и сказал Наум, оглядывая монстров.

— Боги слепы в той же степени, что и зрячи, — Барахаэль сложил ладони на поясе, обращаясь к Арию: — Позволишь показать?

Арий кивнул. Не прошло и секунды, как в воздух взметнулась пара тварей. Тогда Арий смог разглядеть кожу, туго обтягивающую кости, смешанную с глиной и песком, длинные и изогнутые руки и ноги. Отростки на спине, напоминали крылья летучих мышей.

Херувим управлял ими молча, потому что в следующий момент твари бросились друг на друга. Одна, что покрупнее, махнула тем, что когда-то было чей-то рукой, полоснув когтями по груди особи помельче. Вторая тварь не повела и единственным глазом, покорно зависнув в воздухе. На её плоти остались рваные рубцы.

— В них нет крови, — понял Арий.

— Ни капли.

— Ты сможешь управлять сразу всеми?

— Да, они — безвольное стадо. Но больные овцы иногда путают голос своего овчара.

— Нападут на своих?

— Исключать подобное нельзя. Поэтому я должен буду находиться где-то рядом.

В голове Ария вдруг возникла мысль, хоть он и заранее понимал, что она обречена.

— Русалкам эти твари не подойдут?

— Нет, — ответил Наум. — Души уже попали в Распределительный мир, а плоть их второсортна. Нимфы хоть и не привередливый народ, однако избирательный.

Арий кивнул и развернулся, давая понять проводникам, что зрелищ ему достаточно. Обратный путь он уже знал, поэтому шёл чуть впереди Барахаэля и Наума. В голове всплыли моменты ночного визита, который состоялся накануне. Внутренности Ария обожгло, снова странные ощущения проникли под его кожу. Ему вспомнились голубые девичьи глаза и длинные шелковистые локоны, что так изящно обрамляли хрупкое тело. Разорванная одежда, обнажённые бёдра, энергия его матери. Арию отчаянно захотелось вновь увидеть девушку.

Проходя через сад по выложенной серой плиткой дороге, Арий замедлил шаг, поравнявшись с херувимом и серафимом. Свой вопрос он задал Барахаэлю:

— Возможно ли вернуть уничтоженную суть человеку?

— Ты про выжженную память? — Арий молча кивнул. — Нельзя, — с присущей херувиму мягкостью ответил он. — Но несчастной душе можно дать шанс на перерождение, конечно, если она что-то значит для тебя. Иначе ею можно пополнить ряды мертвецов.

Для Ария смертная не имела никакого значения. Но Аделина испытывала к этой женщине глубокую привязанность и благодарность. Возможно, Арий когда-то испытывал нечто похожее по отношению к Ахаве, но это было так давно.

Глава 11. Освобождение

Аделина сидела на самом краю обрыва, уперев ноги в торчащий из земли корень. Там, далеко внизу, обычные люди продолжали свою размеренную жизнь. Работали и учились, отдыхали и веселились, занимались воспитанием детей, путешествовали. Девушка тоже мечтала посмотреть на мир, исследовать новое, но даже представить не могла, в каком *мире* ей предстоит оказаться.

Аделина иронично усмехнулась, выглянув за край. Выступающий корень застонал, слегка накренился — несколько крупных комьев земли полетели в пропасть.

— Надеюсь, ты не собираешься прыгать.

Аделина обернулась. Эликсия стояла, скрестив руки на груди; взгляд её был устремлён вдаль, а не на девушку.

— Нет, я... — Аделина провела ладонью по траве рядом с собой. — Почему люди не видят огромные острова, парящие над землёй?

— Люди и не должны их видеть. Им не доступны наши миры.

— Вы говорили, что принесли меня в междумирье... Так называется это место?

— Да, промежуточные миры между небесами и землёй. Но такие бывают и на небесах, и под землёй. Обычно небольшого размера, парящие где-то между пространствами. Их создают Высшие — у кого силёнок хватает.

— Ты тоже можешь такой создать?

Эликсия усмехнулась, склонила голову набок и посмотрела на девушку своими серо-голубыми глазами.

— Нет, не могу. На самом деле я моложе тебя лет так на восемьсот.

Не удержавшись, Аделина широко раскрыла глаза.

— А так и не скажешь. Вон, на лбу морщинка проступила.

Эликсия потёрла лоб ладонью, но быстро сообразила, что девушка пытается так отшутиться, чтобы снова не погружаться в пучины бытия.

— Ну, знаешь ли, я тоже не спала тысячу лет безмятежным сном, — осмотревшись по сторонам, Эликсия произнесла с каким-то странным восхищением: — Это междумирье создал Дмитрий и наложил на него заклятие, запирающее наши энергии внутри невидимого купола. Посторонние Высшие не смогут ни увидеть, ни почувствовать нас.

— Даже... Зверь?

Эликсия задумалась, будто и не услышав вопроса, затем тряхнула головой, словно отмахиваясь от собственных мыслей.

— Что? Нет, конечно, нет! Я не думаю... Но некоторые в Ордене перешёптываются о вашей с ним связи. Болтают, знаешь ли, всякое, — Эликсия поморщилась, словно ей подобная болтовня действовала на нервы. — Давай я лучше покажу тебе одно место. Тебе понравится, обещаю.

Эликсия протянула девушке руку, предлагая помощь. Аделина, не задумываясь её приняла. Отряхнув одежду, они бок о бок направились к зданию Ордена, но Эликсия повела её по дороге, мимо каменных стен.

Девушка попыталась уловить разницу в тёплом воздухе, почувствовать различие, но ни на земле, ни в междумирье обстановка не отличалась. Всё то же солнце, небо, многогранные облака, только теперь они казались ближе. Аделина всматривалась и в существ, снующих мимо или отдыхающих в древних беседках.

— Почему у кого-то есть крылья, а у кого-то нет? — вполголоса поинтересовалась девушка, плотнее придвинувшись к демону, чтобы её никто не услышал.

— Мы не всегда ходим с ними. По сути, они нужны, чтобы летать, но ещё мы становимся сильнее, когда за спиной крылья.

— Они тяжёлые?

Эликсия с улыбкой повернула голову к Аделине.

— Я не знаю, они у меня с рождения, так что... крылья — часть меня. Но, знаешь, спать с ними на спине не очень удобно.

Аделина улыбнулась краешком губ, опустила глаза к ногам, немного смутившись. Ей было неловко задавать много вопросов; она боялась, что некоторые из них окажутся неуместными, но как же без этого она узнает, что и как устроено в новом мире?

— Я заметила, что в вашей архитектуре и стиле в целом, ну, много архаичных элементов. Присутствует что-то первобытное, точнее, античное?

— Думаешь, небеса не поспевают за прогрессом смертных? — хмыкнула Эликсия.

— Я не об этом...

— Давай я попробую выразиться более понятно, — Эликсия ненадолго задумалась, увлекая Аделину за собой по тропке среди деревьев. — Считаю, что у нас этническая культура. Мы первобытный и патриотичный народ, с привязанностью к нашему историческому прошлому. Люди же так стремятся к совершенствованию, к познанию нового, что из-за глобализации утрачивают свои культурные традиции.

— Думаю, что причина ещё и в том, что люди живут недолго, если сравнивать с вами. Когда уходит старшее поколение, а младшее так и не обрело веру или достаточно знаний, то эти традиции уходят в землю вместе с носителями.

Эликсия посмотрела на девушку с одобрением, и Аделина поняла, что мысль верна. Она и сама похвалила себя за то, что осмелилась высказать своё мнение. Тем временем демон нырнула в густые заросли, которые спускались сверху до земли плотным тёмно-зелёным ковром, словно желая скрыть некое место от чужих глаз. Аделина раздвинула руками лёгкие и гибкие стебли в стороны и двинулась дальше. Увидев спину Эликсии, девушка подошла ближе и, замерев рядом, издала восхищённый вздох.

— Говорила же, тебе понравится.

Если бы у междумирья было сердце, Аделина однозначно указала бы на это место. Впереди водопад каскадом спадал с высоты, словно выливался из самого неба. Чистые, прозрачные струи воды, будто хрустальные нити, сверкали в лучах солнца. У подножия водопада раскинулось озеро, чья гладь отражала синеву небес и зелень окружающих деревьев. Но девушку заворожила не только красота природы, но и движение воды. По обе стороны от водопада ручьи, словно живые существа, взбирались по каменным выбоинам и неровностям, возвращаясь к источнику.

— Невероятно...

Эликсия проследила за взглядом Аделины, понимающе улыбнулась.

— Таким образом вода никогда не застаивается и не выходит из берегов, она всегда чистая и прохладная. На земле такого не увидишь, скажи же?

Аделина прошла по каменистому берегу к кромке, прислушиваясь к грохоту обрушивающейся воды. Какое-то время стояла неподвижно, желая запомнить «голос» водопада — одновременно громкий и успокаивающий. Эликсия оказалась рядом и тут же принялась стягивать с себя одежду и складывать на невысокий валун. Оставшись в одном белье, она смело двинулась в воду, покачивая бёдрами, а зайдя по колени, обернулась и махнула рукой.

— Так и будешь стоять на месте? Пойдём купаться.

— Ты серьёзно? — Аделина замаялась, глядя на воду; пальцы непроизвольно сжались в кулаки.

Вместо ответа Эликсия изящным движением нырнула под воду. Аделина в растерянности осматривала водную гладь, но и ей, признаться, очень хотелось поплавать, расслабиться, хоть

ненадолго почувствовать себя счастливой, пусть и счастье это заключалось в подобной мелочи. Девушка скинула обувь, стянула джинсы и футболку, сложила вещи рядом с одеждой Эликсии.

Камни под ногами оказались гладкими, их прохлада холодила босые ступни. Однако вода оказалась не просто холодной — ледяной. Эликсия во всю прыть плыла где-то на середине озера, подбадривая девушку боевыми кличами и напутственными речами.

— Давай, Ади, плыви ко мне!

Аделина сжала челюсти — зубы уже начинали стучать.

— Неужели ты не чувствуешь, какая здесь ледяная вода? — в голосе ей не удалось скрыть дрожи.

Эликсия заливисто рассмеялась:

— Да-а-а, я умею контролировать температуру тела. Ты так тоже можешь — благодаря своей силе.

Аделина обняла себя руками, упрямо поджала губы. Когда вода дошла до поясницы, по позвоночнику побежали мурашки.

— Знать, что я могу, — мало, — пробормотала Аделина себе под нос. — Можно было и научить, прежде чем приглашать в этот морозильник...

— Хватит ворчать, — Эликсия вдруг возникла прямо перед ней; в глазах демона промелькнули лукавые огоньки.

Аделина только открыла рот, чтобы попросить не делать ничего опрометчивого, — но не успела. Эликсия уже взяла её за руки и увлекла вглубь, туда, где дно осталось вне досягаемости.

— Боже, как холодно, боже... — залепетала Аделина, неуклюже барахтаясь на поверхности. В середине озера вода казалась обжигающе ледяной — словно девушку заковали во льду.

Пальцы Эликсии сомкнулись на предплечьях Аделины — мягко, но уверенно. Девушкам приходилось чуть запрокидывать головы, чтобы вода не попала в рот. Длинные волосы расплывались по глади, словно шелковые ленты. Какое-то время серо-голубые глаза демона всматривались в небесные глаза Аделины.

— Не сопротивляйся холоду, а прочувствуй его. Представь, как он становится твоей частью, а не мучителем.

Постепенно тревога отступила — вместе с пронизывающим холодом. Голос Эликсии звучал успокаивающе, почти гипнотически. Аделина расслабилась, позволяя воде держать её на плаву. Прикрыла глаза, не сопротивляясь тому, как незримая сила сковывает каждую клеточку тела... А потом всё исчезло. Теперь вода ощущалась ей тёплой и дружелюбной — словно берег моря, прогретый солнцем.

— Это ты сделала? — Аделина часто захлопала ресницами, размеренно двигая руками и ногами.

— Я только помогла тебе расслабиться. Всё остальное — сделала ты сама.

От по-детски наивного счастья, заполнившего грудь, Аделина за долгое время искренне и широко улыбнулась. Девушки купались, ныряли в глубину, где вода оставалась прозрачной до самого дна, и можно было увидеть округлую гальку разных текстур и цветов. Когда Эликсия, в которой энергия, казалось, не заканчивалась, поплыла к водопаду, Аделина решила передохнуть на берегу.

Девушка смахнула с плеч прилипшие мокрые пряди и, оставшись по пояс в воде, замерла. У кромки воды стоял Шарм — ангел с дьявольским нутром. Его ореховые глаза со злой усмешкой смотрели на девушку, хотя лицо оставалось беспристрастным. В одной руке он держал сжатую в кулаке одежду. С нехорошим предчувствием Аделина шагнула вперёд, но, осознав, что на ней только нижнее бельё, остановилась и прикрыла грудь скрещёнными руками.

— Какая ты стеснительная, — вкрадчиво произнёс ангел.

— Что тебе нужно? — голос Аделины содрогнулся, а холод вновь подступал к женскому телу.

Не говоря ни слова, Шарм бросил одежду Аделины в воду прямо перед собой, затем наступил на ткань, подошва сапога погрузилась в воду чуть выше щиколотки. Убрал ногу и посмотрел на вымокшую одежду, которая всплыла со дна.

— Извини, какой же я неуклюжий. Случайно уронил твои вещи в воду.

Аделина покачала головой, стараясь понять, за какие проступки Шарм с ней так поступает. Да с какой стати вообще позволяет себе подобное отношение? Обида и холод заставили девушку приблизиться к берегу ещё на пару шагов, теперь она стояла в воде, обнажив бёдра. Тело покрылось мурашками, по которым лениво скользили капли.

— Не волнуйся, я всё исправлю.

С неприязненной ухмылкой ангел достал одежду из воды, швырнул на валун. За спиной девушки послышались всплески. Она не обернулась, но очень надеялась, что Эликсия уже заметила Шарма и направляется к ним. Ангел между тем смотрел только на Аделину. Поднял руку, согнутую в локте, ладонью вверх. Над ней закружилась искрящаяся энергия, быстро превращающаяся в сферу голубого и белого света, словно огненный ледяной шар. Даже не посмотрев, куда именно Шарм направляет силу, Аделина увидела, как сгусток превратился в небольшой поток, стекающий с руки ангела. Луч энергии коснулся мокрых вещей, и те моментально вспыхнули синим пламенем, оставляя после себя лишь пепел и столб дыма.

— Шарм! Какого демона ты творишь?

Голос Эликсии всё ещё слышался на расстоянии; скорее всего, она только подплывала к берегу. Аделина нахмурилась: возмущение сдавило ей желудок. Ещё несколько шагов, и вода отступила до голеней.

— Зачем ты это сделал?

— Чтобы ты не забывала своё место, избранная, — на последнем слове ангел сделал акцент, произнеся его по слогам и с отвращением. — В тебе сила богини, которая породила на свет чудовище. Тебя держат в Ордене только потому, чтобы эта сила не попала к Зверю, а лично до тебя никому нет никакого дела. Не обнадёживай себя, смертная. Ты сгинешь с небес также быстро, как и поднялась.

— А я и не стремилась здесь оказаться, — выдавила Аделина, не скрывая презрения в глазах. — И уж точно не тебе судить, кому есть до меня дело и где моё место!

— Проваливай, Шарм! — рявкнула Эликсия, становясь рядом с Аделиной и обнимая её за плечи.

— Не указывай мне, демоница, что делать! — ангел вновь перевёл уничтожающий взгляд на девушку. — Я и так знаю, где твоё место. Оно — на коленях перед Зверем, а твой поганый рот должен открываться на уровне его паха!

Аделина подавилась от неприязни к подобным изречениям: ей стало обидно и мерзко, что после выброшенных слов, фривольный взгляд ангела заскользил по её телу. Ей отчаянно захотелось заступиться за себя, дать отпор негодяю. Прикрыв глаза, девушка мысленно возвала к силам внутри себя, но почувствовала лишь пустоту. Словно разгадав её замысел, Шарм усмехнулся.

— Шарм, не вынуждай меня показывать, где следующий раз откроется твой поганый рот, если позволишь себе говорить с ней подобным образом.

Ангел обернулся: за его спиной стоял Эмин, разгневанный, но сдержанный. Тёмные глаза прожигали Шарма, а от пламенеющей энергии демона, от которой накалялся воздух, Аделине захотелось вернуться обратно в воду.

— Заступник прекрасных дам, Эмин пожаловал, — лениво, но явно теряя прежний запал, протянул Шарм. — Дмитрий уже знает про твоё маленькое увлечение. Определённо ему не по нраву твоя слабость перед этой смертной.

— Уходи, Шарм, — тихо произнёс Эмин, сдерживаясь из последних сил. — Иначе, клянусь, я убью тебя.

Аделина заметила в ореховых глазах ангела отпечаток доверия: он и правда поверил в искренность слов демона. Шарм последний раз обжёг девушку взглядом, затем обошёл Эмина и скрылся за завесой зелени. Эликсия быстро уточнила, в порядке ли Аделина, и вывела её из воды. Эмин снял с плеч чёрную мантию, подошёл к Аделине, накинул лёгкую ткань на тонкие девичьи плечи, завязав ленту спереди.

— Я могу дать тебе свою одежду, — предложила Эликсия. — Мою этот мерзавец не тронул.

— Не надо.

Аделину

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.